

Digital Proofer

Escape from New York...

Authored by Natalia Mstitelnaya

5.0" x 8.0" (12.70 x 20.32 cm)
Black & White on White paper
120 pages

ISBN-13: 9781536846638
ISBN-10: 1536846635

Please carefully review your Digital Proof download for formatting, grammar, and design issues that may need to be corrected.

We recommend that you review your book three times, with each time focusing on a different aspect.

- 1 Check the format, including headers, footers, page numbers, spacing, table of contents, and index.
- 2 Review any images or graphics and captions if applicable.
- 3 Read the book for grammatical errors and typos.

Once you are satisfied with your review, you can approve your proof and move forward to the next step in the publishing process.

To print this proof we recommend that you scale the PDF to fit the size of your printer paper.

Срочно меняю Нью-Йорк на Москву!

Наталья
Мстительная

НАТАЛИЯ МСТИТЕЛЬНАЯ

УДК код = 82-31 "Романы, повести"

Тираж: 100 000 экз.

ISBN- 10: 1536846635

ISBN- 13: 9781536846638

В серию "Злополучные приключения "

Наталии Мстительной входят:

"Собираю чемодан, улетаю в Амстердам!"

"Там, где кончаются проблемы"

"Смертельный круиз"

"Голубое утро".

Срочно меняю Нью-Йорк на Москву!

Каждый думает, что где-то его жизнь могла бы сложиться удачнее. Такова человеческая натура! Все мы считаем, что достойны лучшего.

А какова реальность? Всегда ли наши мечты соответствуют действительности? Не стоит винить свою Родину во всех бедах, свалившихся на вашу голову. В конечном счете, ваша судьба находится исключительно в ваших руках.

В этом остросюжетном детективе перед читателем открывается противоречивая Америка, такая соблазнительная и жестокая. Практичные американцы не только говорят на другом языке, но они и думают по-другому! Как приспособиться к новой жизни, не наляпав ошибок? Да и нужно ли?

Эта занимательная книга несмотря на коичность и порой даже нереальность изложенных историй, основана на реальных жизненных фактах. Автор детектива выражает свою искреннюю благодарность всем лицам, послужившим прототипами персонажей, и в частности, художнику Люку Перрану, проиллюстрировавшему книгу, и бывшему мэру города Нью-Палтц Джесону Весту, печально известного своей репутацией, но познакомившего автора со своим ближайшим окружением.

Данный детектив входит в серию «Злополучные приключения», в которых остросюжетная линия тесно переплетена с записками путешественника и отменно приправлена искромётным юмором автора. Итак, мщение не окончено... потому что человеческие пороки не знают границ!

Читайте другие книги Наталии Мстительной: встреча в другое время и в другой стране, но с уже полюбившимся читателям автором: "Смертельный круиз"; "Там, где кончаются проблемы"; "Голубое утро"; "Собираю чемодан, улетаю в Амстердам!".

<http://vk.com/n.mstitelnaya>

<https://www.facebook.com/n.mstitelnaya>

НАТАЛИЯ МСТИТЕЛЬНАЯ

* * *

Все права на книгу принадлежат автору. Ничто из неё не может быть перепечатано, заложено в компьютерную память или скопировано в любой форме – электронной, механической, фотоконии, магнитофонной записи или какой-то другой – без письменного разрешения автора.

All rights reserved: no part of this publication may be reproduced or transmitted by any means, electronic, mechanical, photocopying or otherwise, without the prior permission of the author.

Книга с разрешения автора переведена и издана на французском и голландском языке.

Мстительная Н.

Срочно меняю Нью-Йорк на Москву! Роман.
Издательство NT- Пресс 2016.- 120 с.
Оформление художника Люка Перрана.

Copyright © 2016 Natalia Mstitelnaya
Detective series "Ill-fated adventures"

1. Москва, 1990 год.

Наконец объявили посадку на самолёт рейсом 315 'Москва- Нью-Йорк'. Люди закопошились: одни, невыспавшиеся, те, которые улетали (последнюю ночь они спешно собирали вещи, пытаясь втиснуть в разбухшие от вещей чемоданы ещё хоть пару женских колготок) и другие, провожающие, полусонные и полупьяные, лезли на прощание обниматься и целоваться, вытирая слёзы, как будто расставались навсегда.

Ну что ж, прощай, Родина! Прощай детство - школа - институт... Прощай, 'совковая' жизнь! Здравствуй, Америка, прекрасная и незнакомая! Только ты поймёшь меня и оценишь по достоинству! За последние полгода, проведённых возле Американского посольства в получении визы, твой звёздно-полосатый флаг стал близким и родным. Осталось всего несколько часов до встречи с тобой.

Настя и Сергей, удобно устроившись в своих креслах, с любопытством осматривали окружающих: кто же они, те счастливичики, кто летает в Америку? На удивление, попутчики были одеты скромно, как будто летели не в Нью-Йорк, а в Тамбов... Евреев и армян среди пассажиров было совсем немного, зато было много украинцев.

НАТАЛИЯ МСТИТЕЛЬНАЯ

Те самые 'эмигранты', знакомые по песням Михаила Шуфутинского, выглядели совсем не так, как рисовало Насте её воображение...

- Смотри, смотри! - дёрнул за рукав супругу Сергей. - С нами летят Наташа Королёва и Игорь Николаев!

- Ой! - радостно воскликнула Настя, обнаружив любимых артистов совсем рядом.- В жизни они даже симпатичнее, чем по телевизору!

Действительно, знакомые каждому советскому человеку артисты летели в том же самолёте, правда в первом классе. И никто не бросался к ним и не просил автографа. Пассажиры нью-йоркского рейса вели себя с достоинством, даже немного чопорно...

Настя была в приподнятом настроении: вот уже несколько лет во сне видела девушка этот день и, наконец, он наступил! Пусть остаются за бортом подруги, однокурсники... Пусть присылают ей в Америку слёзные письма с просьбой о приглашении. Может быть, она, Настя, кого-нибудь и пригласит в гости, чтобы увидели, как она классно устроилась. А пока... Пусть они лучше сидят в России, лучшая жизнь - она не для всех!

Девушка не сомневалась, что у она-то точно достойна лучшей жизни: золотая медаль в английской спецшколе, красный диплом престижного ВУЗа... Сергей, её муж, прекрасный программист и владеет английским в совершенстве. Молодая семья, без детей. Да, уж они-то устроят свою жизнь! Природа допустила ошибку, произведя их на свет в СССР, поэтому приходится её исправлять.

Рядом с Настей сидела милостивая девушка в мини-юбке. Мужчины бросали в их сторону заинтересованные взгляды. А один, уже совсем

Срочно меняю Нью-Йорк на Москву!

Ирина

пьяный, даже задержался в проходе и, нагнувшись над ними, гаркнул: "Бабоньки!". К счастью, продолжить ему не удалось, поскольку Сергей твёрдой рукой выпроводил его восвояси.

Настя покосилась на свою симпатичную соседку. "Небось, очередная фотомодель летит покорять Америку!" - подумала Настя, незаметно скользнув взглядом по полупрозрачной, плотно облегающей футболке соседки, под которой, без сомнений, ничего надето больше не было.

Вскоре девушки разговорились:

- Я лечу в гости, - рассказывала Ирина. - Меня пригласил один богатый бизнесмен из Нью-Йорка. Мы познакомились с ним случайно, в ресторане 'Прага'. Я праздновала там с друзьями своё двадцатилетие. И тут подходит он - высокий, приятной внешности, весь крутой, в деловом костюме... И приглашает на танец! Ну, я, конечно, согласилась! Затем он подсел за наш столик, и мы проболтали целый вечер. Сама я по-английски не очень... Но друзья помогли!

Настя промолчала, подумав: "Как же эта красотка будет общаться со своим 'женихом'? Отчаянная деваха!"

Но Ирина не заметила насмешки в глазах соседки и наивно продолжала:

- После ресторана он пригласил меня в 'Савой'. Там, в баре его гостиницы, мы просидели полночи: так приятно себя почувствовать человеком! Он швырял баксами направо и налево: за бутылку шампанского отдал сто сорок долларов! До сих пор душа болит, лучше бы мне отдал. В общем, приличный человек, сама понимаешь! Проститутки там от зависти чуть не лопнули. Они там, все такие навороченные и сексуальные, сидят и дуют весь вечер воду, а я, простая девчонка,

пью французское шампанское. И с таким крутым мужиком!

Настя усмехнулась, но решила дослушать до конца 'слащавую' историю соседки, которая доверчиво поделилась:

- Ну, посидели... А потом на прощание он написал на салфетке свой адрес и на следующий день улетел в свою Америку.

- И что, ничего не было? - недоверчиво спросила Настя.

- Когда? - не поняла её Ира.

- Ну, после бара... Между вами ничего не было?

Девушка замялась и нехотя ответила:

- Нет... Он предложил мне подняться в его номер, чтобы продолжить знакомство. Но я объяснила, что я честная девушка, а не какая-нибудь путана. В общем, отказалась! Потом месяца через два мы с подружкой написали ему письмо. Это была её идея, и писала она, чтобы ошибок не было, но от моего имени. Написали прямо: хотим, мол, в гости, Нью-Йорк посмотреть. За границей никогда не были... Пришли нам приглашения и билеты!

- И что, вот так и прислал? - изумилась Настя.

- Прислал! Правда только приглашение... И только для меня... Билеты зажал, собака... Ведь для него это... тьфу! У него баксов завалилось... А мне пришлось свои кровные вкладывать: родители заняли у знакомых, теперь отдавать ещё надо... Надеюсь, что я там заработаю! А может, и замуж за него выйду? Кто знает...

- А сколько ему лет? - любопытствовала Настя.

- Староват... Лет сорок... В Нью-Йорке поищу кого-нибудь помоложе: плечистого красавца-ковбоя

с голливудской улыбкой! Но и с толстым кошельком, конечно... Как в фильмах!

Настя снисходительно посмотрела на свою соседку: девушка, как девушка. Молоденькая, симпатичная. Светлые волосы собраны в пучок. Таких в Москве тысячи. Но такая самоуверенная! По-английски ни 'бе' ни 'ме', а туда же! Деревня! Ну, устроится она куда-нибудь... в стриптиз-бар... и забудет про свою честь и порядочность... Замуж она собралась! Только её там и ждут все Нью-Йоркские миллионеры!

В кресле справа от Ирины сидел угрюмый молодой человек. Дмитрий, так звали того неразговорчивого соседа, не имел ни одного родственника и, вообще, не знал ни одного человека в той стране, куда он летел. Юноша купил приглашение у посольства и почти год регулярно ходил на собеседования, пытаясь получить визу в США. Надежды было мало: Дима был холостой.

После многочисленных неудачных попыток в его ушах уже назойливо звенел противный голос американского вице-консула: "Докажите, что вы не останетесь в США... Докажите!"

Чиновника не удовлетворяли никакие доводы: он не верил, что Димины родители при смерти (причём оба сразу!), что брат у Димы - инвалид... И что в Москве остаётся Димины красавица-невеста, к тому же беременная...

"Двойней!" - для убедительности добавил молодой человек, но подумал тут же, что, пожалуй, перегнул.

Правильно делал вице-консул, что не верил: поскольку ни один Димин довод не соответствовал действительности. Юноша и не подозревал, что чиновник слышит подобные 'рассказы' по несколько раз в день, отправляя каждый раз

многочисленных 'предприимчивых' кандидатов восвояси за доказательствами.

Но вот удача, на очередном интервью 'полюбившийся' Дмитрию вице-консул отсутствовал. Он попал к приветливой сотруднице посольства - и проскочил! Ура! Долгожданная виза в паспорте! Его мечта осуществилась: в Америке он устроит себе жизнь, что надо! Для торгового работника важен не язык, а голова: с мозгами нигде не пропадешь!

Самолёт приземлился. Огромный, как десять 'Шереметьево' вместе взятых аэропорт Кеннеди поражал своими размерами. Чернокожий работник багажного отделения лихо расшвыривал чемоданы пассажиров. Здесь всё было по-другому!

Настя и Сергей чувствовали себя немного потерянными, но, в принципе, реального повода для беспокойства не было: в США у них имелось несколько знакомых. Один даже жил у Сергея с Настей дома целый месяц.

Но что-то не видно было его среди встречающих! Краем глаза Настя заметила, что красотка Ирина с разочарованной миной впорхнула в старый 'Мерседес' своего такого же 'подержанного' бизнесмена и укатила, а Дмитрий так просто растворился в толпе.

2. Нью-Йорк 1990 год.

Настя уселась на чемоданы, а Сергей отправился звонить. Их друг Дональд оказался дома.

- Дональд, мы в Нью-Йорке с кучей багажа! А ты где?! - Сергею стоило усилий скрыть своё возмущение. - Мы же договорились, что ты встретишь нас! Мы совсем не знаем города.

Однако, теперь Дональд был не в гостях, а у себя, поэтому тон его был сух и краток:

- Встретить не могу... много дел, - невозмутимо отвечал он. - Но можете добраться до меня на метро, там на конечной станции возьмёте междугородний автобус. Можете даже пожить у меня пару дней, пока не подберёте себе съёмное жильё.

Сергей вернулся к Насте и объяснил ситуацию.

- Ну и ну, вот гад! - возмущалась расстроенная девушка. - Вчера по телефону он обещал нас встретить! У нас же вещи неподъёмные! А он автобус предложил. Неужели два часа не смог найти для нас?!

- Да, в Москве он вёл себя по-другому. Ну что, придётся брать такси, хоть это и не дёшево, но иначе не доедем, - обречённо вздохнул Сергей.

В конце концов, молодым супругам удалось всё же с пересадками добираться до Нью-Паца, где жил их американский друг, поскольку таксист запросил с них 'заоблачную' сумму за поездку:

сравнимую со стоимостью перелёта из Москвы до Нью-Йорка!

Дональд занимал важный пост - мэр небольшого городка. Однако, после развода этот коренной американец не имел ничего: его 'казённая' квартира находилась прямо в здании мэрии, на втором этаже. Машина тоже была служебная.

Он знал свой городишко, как свои пять пальцев. "Когда-то я был очень богат, - гордо рассказывал он, прогуливаясь по городу. - Вот этот ресторан принадлежал моему делу, а этот кинотеатр - моим родителям...".

Настя, возможно, и поверила бы ему, если бы не жила в его служебном жилье, которое повергло её в шок. В гостиной Дональда стоял чёрно-белый телевизор с таким же выдавшим виды видеоманитофоном. Мебель в квартире также была 'казённая' и старая: 50-х годов. Но Дональд не смутился:

- Стиль 'Ретро' сейчас в моде! - пояснил он и тут же опасливо добавил. - Звонить отсюда нельзя! Питание покупайте сами: супермаркет неподалеку. Еду можете хранить в моём холодильнике, я вам выделю полку, чтобы вы не путали с моими продуктами. А главное, срочно ищите жильё!

Настя не узнавала развесёлого Дональда, швырявшего в Москве деньгами. Конечно, в рублях все иностранцы были богатые! В Россию, где средняя зарплата составляла десять долларов в месяц, они приезжали просто, чтобы несколько дней почувствовать себя миллионерами!

- Ты представляешь, если бы я заявила ему так, когда он был в Москве?! У нас каждый день для него был завтрак, обед и ужин! Мы водили его в гости, в театры, ездили с этим козлом в Питер - показать город, всё за наш счёт! А он даже не предложил нам перекусить после шестнадцатичасового перелёта.

- Да, - довольно грустно согласился Сергей. - Мы прилетели из другого полушария! А он с дороги даже чаю не предложил.

- Но есть-то хочется! Не полезешь же к нему в холодильник...

- Знаешь что, тащи из чемодана крабов!- обрадовался Сергей. - Мы взяли две банки для подарков. Сейчас сделаем салат, только попросим у него майонез и немного хлеба... и поедем все вместе. Классно!

Салат удался на славу. Дональд без стеснения наложил себе полную тарелку, как будто не ел лет сто. Почти так и оказалось: Дональд признался, что последний раз он ел крабов двадцать лет назад на свадьбе друга.

"Это очень-очень дорого у нас!" - повторял он, накладывая по-новой.

3. Американские друзья.

На утро Настя накупила местных газет и отправилась к телефону-автомату звонить по объявлениям о сдаче квартир.

У всех арендодателей был стандартный набор вопросов: Холостой или с семьей? Черный или белый? Место работы?

Далее шёл стандартный набор требований: платить за месяц вперед плюс страховку; платить за газ, воду, электричество, телефон; домашних животных держать воспрещается и т.д.

Выяснилось, что снять комнату (даже не квартиру!) стоит четыреста долларов в месяц. Но просто иметь эти деньги - даже этого было недостаточно! Отказывали по многим причинам:

- Сорри, вы с мужем, а у нас в доме только женщины!

- Сорри, я сдаю минимум на три года!

- Сорри, мне нужны рекомендации!

- Сорри, мне нужны выписки о вашей зарплате за последние пять лет!

Как трудно найти комнату! Вот уже три дня живут Настя с Сергеем у Дональда. Он явно недоволен: почти не разговаривает.

Своим русским друзьям мэр посвятил выходной и сводил их... в городской плавательный бассейн. Это было нечто! Дональда провёл их через задний вход, чтобы не платить полтора доллара за входной билет. Только вот проблема, что этот служебный вход попадал прямо в мужской душ.

Настя закрыла глаза и, сгорая от стыда, просочилась к самому бассейну. Там на них смотрели, как на ненормальных, потому что все, кроме Насти и Сергея были в плавках...

Дональда в этот щепетильный момент благополучно улизнул "в туалет", но как выяснилось потом, ему просто захотелось съесть гамбургер. Настя видела, как он тайком уплетал его, прячась за барной стойкой. Считая, что остался незамеченным, Дональда улизнул потом ещё раз, чтобы попить молочный коктейль. Поскольку денег у Насти с Сергеем было в обрез, то они остались в этот день голодными.

Да, гостеприимство мэра города воистину не знало границ! Когда Дональду хотелось развеяться, то он звонил своим многочисленным знакомым, сообщая невзначай: "Ой, у меня тут русские в гостях... Не хотите ли пообщаться?"

Некоторые из них охотно соглашались хотя бы потому, что в начале девяностых русские за рубежом были ещё крайней экзотикой. Итак, вечером Настя с Сергеем сидели за столом у очередных друзей Дональда и рассказывали без перерыва о перестройке, Горбачёве, Ельцине... в то время как Дональда уплетал приготовленные угощения.

Настя с Сергеем возвращались домой полуголодные и уставшие от чужого языка, от нелепых вопросов и насмешек. Но ничего не поделаешь, надо было улыбаться, что-то рассказывать, заводить знакомства...

По вечерам они обменивались впечатлениями:

- Странно, Дональда говорил, что он – убеждённый вегетарианец, - удивлённо заметил Сергей. - Ты же сама видела, что в его холодильнике мяса не бывает, а в гостях он объедается гамбургерами и не пропускает ни одного барбекю, устроенного соседями!

- Да, забавно! Он с такой гордостью говорил, что состоит в 'Клубе растительной пищи', даже показывал для пущей убедительности членский билет.

- Да... одна показуха! - согласился Сергей. - Ему эти 'корочки' нужны только, чтобы покупать овощи со скидкой. Видела вчера он вернулся довольный? Потому что съездил в соседний город в магазин этого клуба и купил там картошку на двадцать центов дешевле, чем в супермаркете!

- Вот смех, вот так сэкономил! - засмеялась Настя и добавила. - Ты видел его кошелёк, распухший от купонов? Он вырезает их из газет, а потом раскладывает все перед кассой, чтобы найти тот, что даёт скидку пять центов на кетчуп.

- Вот позор-то! - поддержал Сергей. - Да, я собственными глазами видела, как он пятнадцать минут спорил с кассиршей, доказывая, что его купон ещё действителен. Я чуть со стыда не умерла! И пошла в соседнюю кассу с нашими покупками.

- А та кассирша как, не материлась?

- Нет, у них, похоже, это нормально!

- Да, - задумчиво протянул Сергей. - Надо привыкать к местным нравам.

Вечеринки всё больше тяготили и его, и Настю. Им очень хотелось отказаться, но было неудобно. К тому же, они никого не знали в этом городке, а работу надо было где-то искать. Вот и приходилось

терпеть тупые вопросы, глухие шутки, слащавые и не искренние улыбки.

Всё же иногда попадались и приятные люди, сочувственно спрашивавшие: "Я могу вам помочь?" Настя бережно записывала их телефоны в новую записную книжку, наивно рассчитывая на помощь.

Посещения 'гостеприимных' американских семей закончились неожиданно. На очередной вечеринке хозяин дома, представляя своим гостям Настю и Сергея, до неприличия громко закричал:

- А вот те самые русские, которые ходят из дома в дом, чтобы поесть и сэкономить на еде. Вчера они были у Ронни, а теперь вот у нас!

Гости радостно заржали, находя шутку удачной. Тыча пальцами в Настю и Сергея, они обсуждали их и смеялись. Всем было весело. Терпение Насти лопнуло и, несмотря на хорошее воспитание, она встала из-за стола и молча направилась к выходу. Сергей также ушёл, не попрощавшись и оставив гостей в немом изумлении.

Вечером у них состоялся весьма неприятный разговор с Дональдом:

- Я пригласил вас в Америку, - с негодованием заявил он. - Вы живёте в моем жилье бесплатно, я бьюсь, как рыба об лёд, чтобы познакомить вас с нужными людьми. Всё делаю для вас! А вы, русские свиньи, ничего не цените! Меня, мэра города, выставляете на посмешище... Убирайтесь вон из моего дома. Я больше знать вас не хочу!

Насте очень хотелось ответить, что это он, сволочь, беззастенчиво пользовался всем в Москве. Всё хорошее и доброе принимал, как должное! Даже речи не было, чтобы он где-то заплатил за себя. Дональд жил, ел, гулял за их счёт. Настя даже бельё ему стирала. А сколько подарков он получил! Сергей покупал всё, что понравилось Дональду. Вот она - заокеанская благодарность!

Но делать было нечего, и Настя в слезах бросилась звонить своим новым знакомым, которые совсем недавно предлагали свою помощь.

'Друзья', услышав, что Настя и Сергей ищут ночлег, тут же переводили разговор на другую тему. Разговоры были пустыми, а ответы похожими друг на друга:

- Сорри, это ваши проблемы!

- Но ведь вы же сами предлагали нам помочь! - настойчиво взывала к совести Настя. - Вы говорили, что мы можем даже пожить у вас, если нам станет скучно! Мы сейчас в безвыходной ситуации, и нам даже некуда пойти! Уже ночь на дворе...

Настя плакала прямо в трубку, но никого это особо не трогало. Она слышала только гневные и возмущённые ответы американских 'друзей':

- Не надо на нас сваливать ваши проблемы! Вы, русские, наглые и невоспитанные. Забудьте наш телефон и не звоните нам больше!

Что делать?! Идти было некуда. Комната в ближайшем мотеле стоила восемьдесят долларов в сутки, так что прожить там удастся только четыре дня.

В конце концов, Дональд понял, что всё равно ему не отвязаться и сообщил благосклонно:

- Можете пожить две недели в доме моих друзей. Они сейчас в Европе и просили меня присмотреть за их домом. Но только две недели! Надеюсь, вы понимаете, на что я иду ради вас: цените мою доброту! Другой бы не стал с вами возиться.

4. Первая работа.

Настя и Сергей радостно вздохнули: за две недели они должны были найти работу и жильё! Да, но никто нигде не требовался... Кроме того, у них не было разрешения на работу, ведь они приехали по гостевому приглашению.

Молодые люди ходили из бара в бар, из магазина в магазин в надежде получить хотя бы 'чёрную' работу: уборщика, посудомойки, грузчика. Всё было бесполезно! Америка была в кризисе: инфляция, безработица, к тому же только что окончились военные действия в Ираке.

Кое-как за мизерную плату, пять долларов в час, Насте удалось устроиться уборщицей в местный театр. Два раза в неделю она мыла полы, начиная со сцены и кончая туалетом в квартире хозяина, который жил в здании театра.

Жена хозяина - ведущая актриса театра - стареющая истеричка, постоянно торчала за спиной, что ужасно раздражало Настю. То ли она следила, чисто ли девушка убирала, то ли боялась, чтобы уборщица ничего не прихватила с собой.

Актриса обожала руководить: она постоянно давала указания, что и как надо убирать, как будто

без неё Настя не разобралась бы. Расплачиваясь за работу, жена хозяина всё время норовила обмануть, не додав хотя бы пару долларов.

Настя, для которой каждый цент был на счету, не стесняясь, говорила ей об этом, и тогда актриса сердилась, но, кряхтя, выдавала положенное.

Она была не так стара, как казалась, точнее совсем не стара: ей было около сорока пяти лет. После работы актриса тянула Настю в свою комнату и в сотый раз показывала фотографии своей юности, когда женщина только начинала артистическую карьеру.

- Я была очень-очень красивая, - рассказывала взахлеб эта жалкая актрисочка. - Намного красивее тебя сейчас. Мужчины приходили на спектакли только ради меня. А какие мне присылали роскошные корзины цветов, какие писали письма! Сколько раз мне признавались в любви... не сосчитать!

Настя молча выслушивала её воспоминания: это было ужасно утомительно.

"Тоже мне красавица, - думала Настя, глядя на пожелтевшие фотографии. - Слушать её - уши вянут! Я бы с большим удовольствием убрала ещё один дом, лишь бы не сидеть и не слушать эту ненормальную. Чего-то про детей она ничего не рассказала: нет, наверно, вот и мается дурью!"

Настя не знала, что вопрос о детях действительно был большим для актрисы. Это был предмет постоянных укоров со стороны мужа на протяжении всей их совместной жизни.

5. Новое жильё.

Итак, два дня в неделю Настя проводила в театре, а всё остальное время она искала работу. Сергею – программисту - одна сердобольная учительница математики предложила проверять контрольные работы своих учеников. Ей было легче платить пятьдесят долларов в неделю, чем самой заниматься такой скучной работой.

Так, по мелочи, накапливало около пятисот долларов в месяц. Настя и Сергей смогли снять комнату и ещё при этом питаться, правда очень скромно.

Они поселились в крохотной комнатухе в огромном здании, хозяйка которого сдавала комнаты студентам. Правила здесь были ещё строже, чем в коммунальной квартире: пользование кухней в определённые часы, пользование душем - два раза в неделю, стирка - один раз и т.п.

На улицах Настя с мужем часто сталкивались с Дональдом и своими новыми знакомыми: город ведь маленький. Те встречали их с неизменной американской улыбкой, как лучших друзей.

- Как вы поживаете? - неизменно спрашивали они с участием в голосе, как будто это кого-то реально волновало.

Что могли им ответить? Что всё хорошо? И потом продолжать дальше этот фальшивый и бессмысленный обмен любезностями?

Нет, Настя не привыкла к подобному лицемерию и честно отвечала, глядя собеседнику прямо в глаза: что живут они плохо, едва сводят концы с концами, что работы нет.

В ответ 'друзья' только недоуменно пожимали плечами: "Какие странные эти русские..."

Однако, находились и такие 'добрые' знакомые, которые понимающе кивали, сочувствуя Насте и Сергею, и всё это, чтобы сообщить то, что им давно не терпелось. Не зря же выслушивали они весь этот вздор по поводу отсутствия денег и работы.

- Дональда жаловался, что в доме его друзей после вашего отъезда пропала вся туалетная бумага, мыло, салфетки... - говорили они, пристально глядя в глаза.

- Это не правда! - отчаянно защищалась Настя. - Мы всё покупаем самостоятельно. Откуда такие сплетни?!

- Дональда жаловался, что вы звонили по всей Америке, и что он теперь вынужден оплачивать гигантские телефонные счета, - подливали масло в огонь 'доброжелатели', ожидая с нетерпением ответной реакции.

- Да нам звонить-то и некому! Мы никого здесь не знаем!

- Ну, может, вы работу искали или ещё что...

Сбитые с толку, Настя и Сергей начинали яростно опровергать подобные сплетни, чем доставляли ещё большее удовольствие собеседникам. Те радостно выслушивали негодования в адрес Дональда, добавляя, что он всегда был лунолом и вором.

Но вскоре Настя убедилась, что оправдываться бесполезно. Буквально на следующий день они

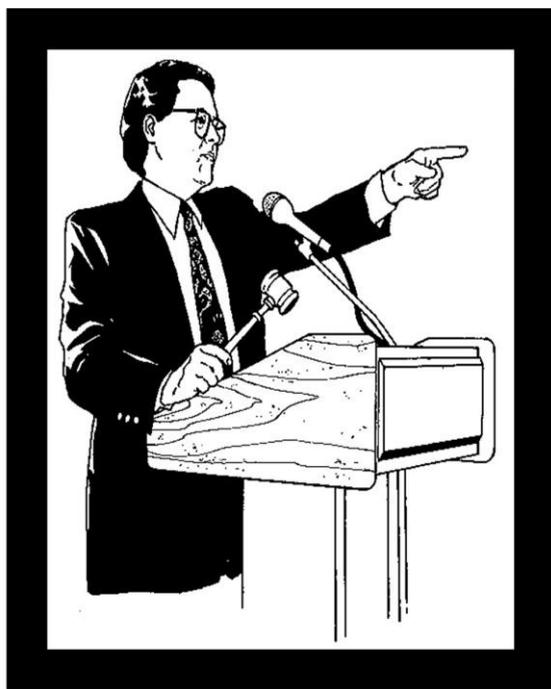
встречали этих же людей в компании с Дональдом и те, лгисто улыбаясь, напептывали ему что-то про неблагодарных русских...

- Ты подумай, - сокрушалась по вечерам Настя. - Мы ведь привезли всё из Москвы: и мыло, и бумагу... И по Америке нам звонить абсолютно некому. И он про нас такое говорит! Наверно, сам украл, а на нас свалил. И знакомым своим звонил повсюду, зная, что виноваты будут 'эти русские'!

- А может, 'друзья' нарочно наврали, чтобы нас задеть? - усомнился Сергей. - У них это в порядке вещей. Вот ты сидишь сейчас и плачешь, а им только этого и нужно было! Я уже понял, что в Америке так принято: улыбаться в глаза и тут же за твоей спиной говорить про тебя всякие гадости.

Тем не менее, неприятные сплетни ходили по городу, и люди, естественно, больше верили своему мэру, чем каким-то русским!

В гости Настю с Сергеем уже никто не приглашал, да и кому интересны нищие эмигранты. Даже говорящий попугай интересен всего неделю, а потом к нему привыкают и под конец забывают.

6. Новый город.

Насте и Сергею ничего не оставалось, как переехать в соседний городишко и снова искать работу. Этот новый город был немного крупнее прежнего. Здесь даже был свой университет, и Сергей загорелся желанием давать частные уроки: по математике, физике, ну и русскому языку, конечно!

Но с последним мало что удалось. Во-первых, в городе проживало большое количество потомков русских эмигрантов, ещё со времени революции. Большинство из них никогда не были в СССР, но знали русский язык. С эмигрантами третьей волны, т.е. сегодняшними, они общались снисходительно, явно демонстрируя свое пренебрежение.

А во-вторых, в местном университете уже была кафедра русского языка. Она состояла всего из трёх человек: зав. кафедрой - пожилой поляк, говорившего по-русски хоть и с ошибками, но, тем не менее, лучше любого американца. Вторая была старушка-преподавательница, яростно ненавидевшая Советскую власть и в том числе всех 'советских' людей, какими в её глазах были Сергей и Настя. Старушка искренне считала молодых супругов шпионами КГБ, засланными разлагать американское общество своей коммунистической пропагандой. Ладно бы, если эта 'ведьма', как окрестил её Сергей, хранила бы эти бредовые идеи в своей голове,

так нет старуха делилась с ними направо и налево. Возможно, она рассматривала Сергея как претендента на её место, и поэтому так враждебно отнеслась к молодым людям, продолжая разучивать со студентами песни своей молодости, из серии "Позарастали стёжки-дорожки".

- Ты представляешь, придет её студент в Москву и заговорит на старославянском?! - смеялась Настя над древними методами старухино преподавания. - Ну кто его там поймёт?! Ты бы куда лучше подошёл для обучения молодёжи.

- Есть там на кафедре ещё одна наша соотечественница, она помоложе, - сообщил Сергей. - Простая русская женщина, вышедшая замуж за американца. Она не жалуется на судьбу, но и не высказывает никаких восторгов по поводу её теперешней жизни.

В общем, учителей русского языка в городе оказалось предостаточно, даже больше, чем учеников.

Настя неплохо рисовала. Она купила бумагу и краски, запечатлела несколько местных симпатичных пейзажей и отправилась с этими акварелями в небольшую галерею по соседству.

Направилась она именно туда, поскольку название галереи было "Донская", что явно указывало на русское происхождение.

Её хозяин, молодой еврей польско-украинского происхождения, посмотрел на Настины художества и, путая русские и польские слова, вежливо обратился к девушке:

- Очень-очень интересни работи... - протянул он, оглядывая стройную Настину фигурку.

Услышав подобное сердце девушки запрыгало от радости, а хозяин картинной галереи между тем, придвинувшись поближе, недвусмысленно спросил:

- Не хотити ли, пани, взглянуть на мои работи? Там, в мастерской...

Настя отшатнулась. Этот озабоченный мужик с мерзким запахом изо рта и наглым раздевающим взглядом вызывал у неё отвращение.

- Спасибо! Извините, я пойду... - выдавила из себя Настя, пятась к дверям.

- Не спешите, пани, - не смущаясь, продолжал хозяин галереи. - Картинки ваши, честно говоря, дрянь, но вы сами о-очень даже ничего...

Он попытался погладить Настю по бедру и пояснил сладким шёпотом:

- Пани может немного заработать, если будет моей натурщицей. Ваши ножки, словно выточены из мрамора, ваши груди, словно спелые персики.

Тут он настолько увлёкся, что дал волю своим рукам. Настя едва вырвалась из его липких объятий. В Москве она просто двинула бы по морде этому наглому типу, но здесь, наученная горьким опытом, девушка не стала ни спорить, ни скандалить: ей не хотелось снова переезжать в другой город.

Настя, неизменно вежливо улыбаясь, отказалась от предложенного и поспешила удалиться восвояси.

Вернувшись домой, расстроенная и унылая, она не стала огорчать Сергея своими похождениями. К тому же супруг выглядел окрылённым: он нашёл работу на аукционе мебели!

Ума большого не требовалось - просто нужно было таскать мебель: сначала - на склад, потом - в демонстрационный зал, а в конце - к машине покупателя. И всё! Оплата сдельная: в первый же день Сергей принёс домой сто пятьдесят долларов.

- Это просто здорово! - прыгала от восторга Настя. - Пойдём, отметим в ресторанчике! Я закажу себе сладкое мороженое с бананом и орехами. Я так давно о нём мечтала, а оно такое дорогое.

Сергей с гордостью повёл жену в ресторан. Ради неё он был готов горы свернуть: работать день

и ночь, лишь бы она была радостной и ласковой, как сегодня, а не грустной и плачущей, как в последнее время.

Сергей часто думал, как ему повезло, что у него такая замечательная жена. Она не упрекала его, что они сидят на мели, не требовала дорогих покупок, Настя переживала и радовалась вместе с ним.

Сергей с ужасом представлял, если бы не месте Насти была американка. Это была бы катастрофа: готовить не умеет, стирать и убирать не любит... Мужа в грош не ставит... постоянно с претензиями... Требуется внимания и развлечений. А если у неё не будет, как у соседки, дома, машины и прочего, то она просто уйдёт к другому, более преуспевающему. Мужа-неудачника вытерпит только русская женщина!

Сергей улыбался и смотрел на Настю, которая уплетала своё мороженое и была счастлива больше всех на свете.

7. Новые таланты.

На следующей неделе Настя совершила вторую попытку пристроить свои художества. На этот раз она отправилась в галерею, где проходил вернисаж. В обычные дни все галереи пустовали, а ей больше не хотелось беседовать с хозяином наедине.

В галерее было слишком много народу: каждый считающий себя культурным горожанин пришёл сюда, чтобы увидеться с друзьями. На картины даже никто и не смотрел. Присутствующие были гордые сами за себя, и что они не пропустили столь важное для города культурное событие.

Приглашенные собирались кучками, ели попкорн и, запивая его кока-колой, обсуждали, что такое событие, как вернисаж, мог бы пропустить только совершенно 'серый' и необразованный человек.

Тут же, оглядываясь по сторонам, они отмечали вслух, кого не было, и зачисляли его в разряд 'серых' и бескультурных...

Настя не смогла пробиться к хозяину, да и тому было не до неё. Каждый из приглашённых считал своим долгом подойти к организатору вернисажа, пожать ему руку и поздравить с удачной выставкой: вся эта показуха была только для того, чтобы

все присутствующие убедились, что он дружит с хозяином галереи, и что ему небезразлично культурное наследие Америки.

Насте претило это бахвальство. Девушка смотрела на картины. Они были посредственными и банальными. И где их только откопали? Но цены на выставленные 'шедевры' были заоблачными: ни одна картина не стоила меньше тысячи долларов! Видимо, цена придавала картине вес. И эти глупые американские обыватели, осознавая, что купить картину им было не по карману, считали её шедевром!

Неожиданно хозяин галереи, оборвав хвалебные восторги своего очередного собеседника на полуслове, бросил гостей и направился к выходу. Здесь он, раскланиваясь, встретил невысокого щербатого фермера в бейсболке и со жвачкой во рту. Хозяин, неприлично лебезя, повёл гостя по галерее.

Фермер, не переставая жевать, не спеша переходил от одной картины к другой, громко высказывая своё мнение и не менее громко смеясь. Наконец, он остановился и ткнул пальцем в понравившееся полотно. Картину моментально сняли и, бережно упаковав, отнесли к 'Кадилаку' фермера.

Удостоверившись, что все присутствующие видели его покупку (картина была не из дешёвых) и убедились в его огромной любви к искусству, фермер не спеша направился к выходу.

Хозяин галереи, услужливо провожая гостя, громко восклицал по дороге: "На какие жертвы не пойдёшь ради высокого искусства! Этот человек - большой знаток современной живописи!"

После этого каждый из приглашенных мало-мальски знакомый с фермером, бросался к тому с поздравлениями об удачной покупке, да так, чтобы все видели с каким человеком он знаком!

Насте всё это показалось безвкусной комедией. Ей стало неловко и даже противно находиться в галерее. Девушка стремительно направилась к выходу. Там, на улице, фермер, прощавшийся с хозяином галереи, заметил её и пальцем поманил к своей машине.

Похоже он ещё не вышел из роли ценителя изящных искусств и поэтому полубобытствовал, улыбаясь щербатым ртом:

- Что это у вас? Вы - художница?

- Да... это я так... немного рисую, - растерялась Настя, жалея, что подошла.

Стоящий рядом хозяин галереи смотрел на неё испепеляющим взглядом: как будто Настя способна конкурировать с ним! Это же смешно.

Фермер бегом просмотрел акварели и вернул их Насте, оставив себе одну.

- Вот эта мне нравится, - сказал он и, не спрашивая о цене, протянул Насте два доллара.

Девушке ничего не оставалось, как взять их, хотя картины свои она ценила гораздо выше. Сторая от стыда, Настя поспешила домой, и больше к краскам не прикасалась.

Вечером девушка пожаловалась супругу:

- То же мне, строят из себя культурных. Как же на вернисаж не сходить! Потом ведь весь город обсуждать будет. Да какая у них тут, вообще, культура?! Это тебе - не Европа: ни традиций, ни воспитания. Со жвачкой - в картинную галерею, с попкорном - в театр, с травкой - на концерт... Вот и вся культура!

- Что ты хочешь?- отвечал Сергей. - Здесь просто сборище эмигрантов со всего мира: вселенская помойка... Дегенеративный уровень... Мне на работе и поговорить не о чем: они обсуждают только бейсбольные матчи и видеоклипы! Представь, мужику за шестьдесят, а он предлагает

мне меняться дисками. Я и групп-то этих в помине не слышал! И они меня начали сторониться: чувствуют, что я - не 'свой'. Да, и между собой они общаются, как звери: чуть что не так, сразу - в морду... Без лишних разговоров...

- А ты будь попроще, - посоветовала Настя. - Не говори, что у тебя высшее образование! Беседуй с ними о спорте, раз им так нравится. Прикинься рубахой-парнем, понимаешь? Своим в доску...

- Насть, я же не дурак. Я и пью с ними, и выслушиваю все их бредни. Но всё равно, я – чужой!

- Ну, потерпи немного, Серёж, - погладила Настя своего любимого мужчину. - Скоро всё изменится к лучшему: я работу найду! Мне сказали завтра на почту зайти, может, там что предложат.

8. На почте.

На почте Насте предложили работу скучную и монотонную. Весь день девушка складывала и склеивала конверты. Разнообразие было только в том, что конверты были большие, средние и маленькие.

Днём был один час, обеденный перерыв, когда Настя гуляла по городу и жевала гамбургер. Что её удивляло, так это то, что на почте почти всегда толпился народ, и даже выстраивалась очередь. До этого Настя наивно полагала, что очереди бывают только в Советском Союзе.

Из служащих с ней никто не общался, и девушка чувствовала себя убогой и второсортной. Такого комплекса не было даже у негритянки, работавшей тут же. Именно она разъяснила Насте: "У тебя здесь только одно преимущество - то, что ты - белая! В остальном, ты ничем не лучше других нелегалов: мексиканцев, кубинцев, китайцев..."

Однако, девушка радовалась хотя бы такой работе и честно выполняла её, хотя эти конверты уже снились ей по ночам.

- Бред какой-то! - жаловалась Настя дома. - Занимаюсь такой ерундой. Стоило ли так далеко

ехать? И получаю гроши. Да ещё всё время неприятности...

- Что там ещё? - безразлично пробубнил засыпающий Сергей.

Он снова пришёл подвыпившим: пытался расслабиться после тяжёлого рабочего дня. Насте очень хотелось поделиться с мужем своими несчастьями, но он уже спал.

А дело было в том, что на работе у Насти каждый день пропадала банка с клеем. И что только девушка не делала: она прятала банку в стол, потом - в шкаф, но всё равно клей неизменно исчезал. Каждое утро ей приходилось брать новый...

Через несколько дней начальница сделала ей замечание, что она расходует много клея, и поинтересовалась, что Настя с ним делает.

Ответить девушке было нечего и она решила, что самое надёжное - это брать банку клея с собой. Так она точно не пропадет!

Однако, начальница остановила её на выходе после работы и, открыв её сумку, обнаружила клей. Что тут началось! Никакие объяснения не помогли, начальница не желала слушать Настю.

- Мы пожалели тебя только потому, что за тебя просила моя лучшая подруга! Она сказала, что ты - честная и добросовестная девушка. А ты - воровка!

- Извините, - пыталась Настя объяснить ситуацию.

Но начальница не слушала её: она орала на девушку и ругала последними словами. А потом ударила Настю по лицу, да так сильно, что Настя, не устояв, рухнула на землю.

9. Интересное предложение.

"Надо что-то делать! Больше мы так не протянем... - стучало в мозгу у Насти. - Денег едва хватает на жизнь. Сергей начал 'принимать', чего в Москве с ним никогда не случалось. Долго это продолжаться не может... Что делать? Хозяин театра говорил сегодня о каком-то выгодном предложении. Может, оно спасёт нас? У него был такой таинственный вид! Но если это опять какая-нибудь пошлятина..."

Наутро Настя сидела в шикарном, отделанном тёмным деревом кабинете хозяина театра. Массивная люстра и бронзовые фигуры дополняли солидность интерьера.

Но то, что девушка услышала, ошеломило её ещё больше, чем кабинет: проживание в их роскошном доме, разнообразное питание, постоянное наблюдение врачей да ещё десять тысяч долларов впридачу! И всё это только за то, чтобы... родить ребёнка! Господи, как просто. Всего-навсего родить ребёнка этим старым жиреющим богачам. Это решение многих проблем. Вот он - выход!

Настя, не раздумывая, согласилась. Её, правда, покорило, что отцом ребёнка будет хозяин театра, этот лысый жирный боров. И ей придётся провести с ним ночь, а может и не одну, пока она забеременеет. Но и с этим Настя, в конце концов, смирилась:

- Переживу как-нибудь. Несколько часов позора, а потом - шикарная жизнь!

- Ты молодая, чего не родить? Здесь ума большого не надо, - согласился Сергей. - А потом у нас свои будут, ещё сколько захочешь!

Это предложение супруг воспринял удивительно спокойно.

10. Настя ждёт ребёнка.

Где-то через месяц Настя прошла тест на беременность: результат был положительный. Девушка переехала в дом, который раньше убирала. Теперь ей была выделена лучшая комната: большая и светлая спальня с собственной ванной комнатой и громадными окнами, выходящими в сад.

- Ты тут шикарно устроилась! - заметил Сергей, осматривая новое жилище жены.

В хозяйский дом его жить не пригласили, и навещал Сергей свою супругу изредка. Молодой человек поселился с своим напарником-мексиканцем в грязной квартирке, рядом с работой.

Настя догадывалась, как они коротали вечера, расслабляясь после работы, но ничего поделать не могла.

"Только девять месяцев, - думала девушка. - А потом заживем, как люди. Сергей бросит свою работу грузчика, пересдаст диплом и будет работать программистом. А они классно зарабатывают! И всё будет по-человечески".

Время тянулось очень медленно: каждый день, как год. За Настей внимательно следили врачи,

её кормили по специальной диете 'Для будущих матерей', постоянно пичкая фруктами.

- Кушай, Настя! - говорил хозяин, протягивая девушке тарелку. - Это малина. Она стоит очень-очень дорого: её купили специально для тебя!

После этого у Насти кусок в горло не лез. "Подумаешь, малина! Нашёл чем удивить - думала девушка. - У нас на даче этой малины завались, а у них – деликатес! Подразорились ради будущего ребёночка."

Актриса ходила по дому вся не в себе: взволнованная и взвинченная. Женщина постоянно жаловалась на головокружение и тошноту, как будто это она была беременная, а не Настя. Наверно, уже вошла в роль будущей матери...

Актриса постоянно дергала девушку по всяким пустякам:

- Не сиди у окна - продует!
- Это не ешь, нельзя!
- Не принимай ванну - только душ!

Настю все это сильно раздражало.

"Ну, откуда ей знать, что можно, а что нельзя! - думала издёрганная девушка. - Она ведь и ребёнка в руках не держала, а всё поучает!"

- Ты видишь, как я о тебе забочусь,- продолжала актриса. - Как о дочери родной! О себе меньше думаю, чем о тебе. И муж мой сколько денег на тебя тратит! Ты должна быть нам благодарна до конца своей жизни.

Да, время тянулось крайне медленно. Насте было ужасно противно: всё окружающее опостылело ей. Девушка теперь сомневалась, правильно ли она поступила, согласившись.

В душе Настя даже жалела о содеянном. Сергей заходил к ней не часто. Казалось, он, вообще, забыл про неё. Как то незаметно супруг отдалился: стал грубым, невыносимым, почти чужим!

Изредка посещая Настю, он, первым делом, съедал все фрукты из вазы. На её вопросы отвечал нехотя и безразлично осматривал растущий с каждым днём Настин живот. Казалось (да нет, это было очевидно!), что это его абсолютно не волновало.

Потом Сергей исчез, и почти месяц от него не было никаких вестей. Настя не находила себе места и, не выдержав, сбежала из дома, чтобы навестить мужа.

Сергей, к счастью, был у себя, но девушка была шокирована увиденным: грязная, не убранная комната, посеревшая от грязи мягкая постель, горы пустых бутылок и небритый опустившийся муж...

- А ты думала, что меня тут тоже малиной кормят?! - зло спросил Сергей, недовольный её неожиданным визитом.- Чего приехала? Что, хозяин надоел? Он ещё как? Крепкий мужик? Ещё может? Сколько раз ты с ним трахалась? Понравилось?

Сергей, шатаясь, бродил по комнате, с грохотом опрокидывая стулья. Настя с отвращением наблюдала за ним. Её зоркий женский глаз уже успел заметить скомканные несвежие женские трусики, торчавшие из-под матраса, и того хуже: на кухне в кастрюле лежали шприцы...

Всё это было настолько мерзко, что наводило на ужаснейшие размышления.

- Почему ты не на работе? - озабоченно спросила Настя.

- Тебя ждал! - с ядовитой иронией ответил Сергей и сплонул. - Ну, тебе-то что за дело? Тышла себе занятие - вот и живи спокойно!

"Нет, так больше продолжаться не может!"- подумала Настя и, преодолевая себя, она подошла к Сергею.

Девушка крепко обняла мужа: ведь этот грязный, мерзкий, пахнувший перегаром мужчина - её родной

Серёжа, которого она потеряла в погоне за шикарной жизнью. И всё из-за этой паршивой Америки! Будь она проклята...

"Сначала потеряла Родину... Теперь - мужа... - вздыхала Настя. - Что у неё осталось?! Жизнь? Да, на кой чёрт, ей сдалась такая жизнь?! Господи, что же такое делается? В это невозможно поверить... Вот он - её муж - опустившийся и потерявший человеческое достоинство, а вот - она - потерявшая честь и гордость, готовая ради долларов на всё..."

Действительность вдруг обернулась ей своим омерзительным ликом и показалась Насте кошмарным сном. Она беззвучно плакала и всё крепче обнимала мужа, шепча ему:

- Серёжа, Серёженька, любимый мой! Родной... За что же это всё нам? Скажи! Ты посмотри, что творится... Мы же погибаем! Мы стали совсем чужими, Серёжа! Только вместе мы сможем спастись! Только вместе...- повторяла девушка, всхлипывая.

Сергей молча целовал заплаканное Настино лицо и, прижав её голову к груди, гладил, как ребёнка. Казалось, ещё немного и он сам разрыдается.

- Настенька, не плачь, моя ласточка! Всё будет хорошо. Давай бросим всё и махнем домой! К чёрту эту паршивую жизнь... К черту Америку! В России наш дом! Скоро всё кончится, милая! Завтра же я оформлю билеты и мы улетим отсюда навсегда... И больше никогда не вернёмся, я тебе обещаю! Не плачь!

Настя успокоилась. Действительно, ещё не конец света: они вернутся домой... Домой!!! И как ей эта простая мысль не приходила ей в голову? Это же решение всех проблем! Конец всех мучений. В Москву!

11. Домой!

На следующий день Настя тайком собрала свои вещи: чемодан был готов. Весь день она с нетерпением ждала известий от супруга, который поехал в Нью-Йорк в агентство 'Аэрофлот' за авиабилетами.

Но вернуться домой оказалось непросто. С трудом среди небоскрёбов Пятой авеню Сергей отыскал нужный. Но и там об 'Аэрофлоте' никто ничего не слышал...

Наконец, он нашёл: это была маленькая комната, расположенная на первом этаже. Внутри Сергея ждала очередь. Сразу пахнуло чем-то родным! И табличка 'Мест нет' показала до боли знакомой... Но если в России она просто огорчала, то здесь - приводила в отчаяние!

На счастье, только что сняли бронь: появилось два билета на завтрашний рейс на Москву! Сергей чуть не заплакал от радости.

На утро Настя тайком сбежала из дома и, поймав в центре города такси, заехала за Сергеем. Она никому не сообщила о своём отъезде и теперь тряслась от волнения, опасаясь погони, до самого отлёта.

Наконец, самолет оторвался от земли и девушка облегченно вздохнула: "Всё... Слава богу! Прощай, Америка... Прощай навсегда!" На душе девушки было радостно и легко, чего нельзя было, однако, сказать о теле, отягощенном нелегким плодом американской жизни - будущим ребёнком, который, к счастью, родится в России, а не в Америке!

Часть II. Ирина.

1. Эрик - не герой её романа?

Ирина впорхнула в старый, но ещё добротный 'Мерседес'. Эрик встретил её горячим поцелуем. Он выглядел по-прежнему: подтянут и элегантно одет. Только, пожалуй, чуть более серьезный...

Ирочку немного покорибил неприятный 'Мерседес': ей было даже стыдно садиться во внутрь. Девушка не имела собственного автомобиля, но ожидала, что её встретят на более роскошной машине.

Ирина представляла себе, как они фланировали бы среди небоскрёбов в белоснежном кабриолете, и её золотистые волосы развевались бы на ветру... Как они остановились бы перед самым шикарным рестораном, и как все вокруг ошеломленно расступились бы... Эрик небрежно бросил бы портфель ключи и попросил бы припарковать его машину, а Ирина элегантно вышла бы из неё, демонстрируя свои бесконечно длинные ноги. Мужчины смотрели бы в онемении ей вслед, пожирая глазами. В общем, рисовалась картинка, как в американском фильме.

Откуда простой русской девушке ещё знать Америку? Только из голливудских блокбастеров...

Но всё оказалось намного прозаичнее: небоскребы Манхэттена, маячившие на горизонте, как то быстро исчезли: Ирочка даже и не успела их толком рассмотреть.

Девушку окружала длинная серая автотрасса и... полчище старых и невзрачных автомобилей! Подумать только, ни одной шикарной машины... Тут её американская мечта начала со скрежетом адаптироваться к окружающей реальности, давая видимую трещину.

Эрик заметил разочарование на Иренином хорошеньком личике и его это задело:

- Как видишь, у меня не какая-нибудь 'Тойота', у меня машина европейского класса: 'Мерседес'! Тебе нравится?

- Йес, ОК! - выдавила из себя Ирина.

Хотя Эрик старался говорить медленно, она понимала его через слово.

- Значит не нравится... - заключил Эрик. - Но я не верю тебе. Ты, как мой сосед, он всегда с завистью смотрит на мой 'Мерседес', но говорит, что это - дрянь. Что японские машины лучше, потому что экономичнее. Но я не верю ему! Сосед так говорит, потому что не может позволить себе иметь приличную машину... хотя бы такую, как у меня!

Ирина слушала вполуха. Её мало волновали автомобили.

Девушка с раздражением подумала: "Бред какой-то! Неужели больше не о чем поговорить, как об этой дурацкой тачке?!".

Ирочка не знала, что в Штатах просто культ автомобилей. О тебе и о твоей семье судят лишь потому, на какой машине ты едешь. Ты можешь жить в плохом районе, но если ты едешь на престижной машине, то тебя уважают... с тобой считаются!

- Куда мы едем? - спросила Ирочка, чувствуя, что её молчание затянулось.

Небоскрёбов больше не было видно: вокруг какой-то паршивый район... Дома из красного кирпича и хулиганские надписи на стенах напомнили ей заводскую окраину Прокопьевска, где жила её бабушка.

- Это Бронкс, - усмехнулся Эрик, увидев, что подруга не в восторге от Нью-Йорка. - Мы едем домой. Познакомись с моей женой, она знает о твоём приезде.

- С женой?! - Ирина не скрывала своего удивления. - Так ты женат?!

- Да, - спокойно ответил Эрик. - Уже четыре года. Это моя вторая жена.

- А дети есть? - упавшим голосом поинтересовалась девушка. - Нет, детей нет.

Ирина молчала. Она напряжённо думала, зачем же он её пригласил, если уже женат. В Москве ей показалось, что Эрик без ума от неё и не прочь жениться... Если, конечно, она, Ирочка, согласится! А такой вот расклад в её планы не входил.

Но поразмышляв немного, девушка успокоилась: ведь здесь, в Америке, куда не ткни, каждый мужчина - американец! Найдёт кого-нибудь поприличнее. Уж, не с такой машиной, как эта...

2. Из грязи – в князи?

Эрик с женой Бетти приняли Ирину с американским размахом: горячие гамбургеры, бананы, апельсиновый сок... Вокруг Иры бегали, а спать её уложили в комнате для гостей.

Дом, который снимал Эрик, был просто огромный и состоял из трёх просторных этажей. На первом этаже располагалась гостиная, плавно переходившая в столовую, а затем - в кухню.

Ирину поразило американское жильё: стены внутри дома почти отсутствовали. Фактически весь этаж - один большой зал, в центре которого - лестница. В каждом углу этого зала стояла соответствующая мебель: так что без труда можно было догадаться, в какой 'комнате' ты находишься.

В 'гостиной' Ирина обнаружила диван, кресла, напольную лампу и настенную стереосистему. В соседнем углу стояли обеденный стол со стульями и сервант. В третьем углу располагалась 'кухня'. Здесь были все новинки бытовой техники: плита, управляемая компьютером, посудомоечная машина, микроволновая печь, двухдверный (американский!) холодильник и даже электрическая мусорная машина, которая измельчала мусор практически в крошку.

Ирина была под впечатлением, которое сменилось со временем недоумением, увидев какая Бетти была плохая хозяйка. Не удивительно, что кухня сохранилась в таком первозданном состоянии, ведь ей фактически никто в доме не пользовался!

На втором этаже виллы располагались спальни: хозяйская, с ванной и туалетом, и гостевая, тоже со своими ванной и туалетом.

На третьем, последнем, этаже была обустроена комната отдыха. В центре её стоял огромный телевизор, с экраном более двух метров по диагонали. А на полу лежал пушистый ковёр и множество подушек... Больше в комнате ничего не было!

Ирина была, конечно, удивлена подобным устройством жилища. Она видела нечто подобное на картинках западных журналов, но когда всё это реально перед твоими глазами, то производит неизгладимое впечатление.

"Выйду замуж, тоже буду так жить!" - решила девушка. Но то, что Эрик просто снимал этот дом и, потеряв в один прекрасный день доход, он лишился бы всего этого, она не осознавала.

Эрик оказался вовсе не бизнесменом, а шахматистом! Ирине показалось это забавным. Она вспомнила вечно включенных, не от мира сего, беденько одетых шахматистов, которые собирались в 'Сокольниках' на лавочках и резались до ночи, забыв обо всём на свете. Именно такими, по её понятиям, были все шахматисты мира.

Однако, про Эрика она бы этого не сказала. Было очевидно, что он - состоятельный человек! К тому же выяснилось, что Эрик - гроссмейстер международного класса. В его доме бывали Карпов и Каспаров. Его получасовая консультация по телефону стоила столько, сколько простой

рабочий не заработает и за неделю. Это вселяло уважение! Ирина благоговела перед учеными людьми.

В первый вечер её повезли по магазинам. "Сейчас мы поедem в музей!" - объявила Бетти и остановила машину перед... супермаркетом. - Ведь для вас, русских, это настоящий музей!"

Она не сомневалась, что сейчас Ирина начнёт охать и ахать от этого капиталистического изобилия. Иру же, наоборот, поразила неприятная вещь: все товары в магазине были изготовлены в Китае или в Малайзии.

Ирочка и в Москве-то не покупала китайское барахло, так что и здесь ей ничего не приглянулось. Тогда они отправились во второй магазин, в третий - картина та же!

Это сильно раздражало Бетти, которая искренне считала, что эта русская 'сирота' чего-то из себя строит...

Ирина оглянулась вокруг: американцы были одеты в те же безобразные вещи, что она встречала в магазинах. Мягкие шорты и поношенная футболка - вот типичная летняя одежда американцев. Они в ней повсюду: на улице, в доме, в гостях...

Ирина не понимала этой практичности. Одежда, которую она привезла из Союза, была просто шикарной! И когда девушка меняла платья: каждый день одно другого краше, к ней относились всё хуже и хуже...

"Выпендривается! Мы себе такого позволить не можем, - сквозила в их взглядах неприкрытая неприязнь. - Если ты такая богатая, то нечего у нас жить! У нас нет денег содержать тебя..."

Ирочкины итальянские туфли на шпильках вывели Бетти из себя: "Прикидываешься бедной, чтобы побольше из нас выкачать?"

В общем, окружающие не верили, что у Ирочки в кармане всего восемь долларов: не укладывался такой стиль одежды с бедностью!

То же было с косметикой: простые американки совсем не пользуются косметикой. Конечно, объясняют они это тем, что хотят выглядеть натуральнее, но на самом деле, у них просто нет денег: косметика стоит слишком дорого! Однако, Ирочка отметила, что те, кто имеет хорошую работу и приличную зарплату, всегда с макияжем и уложенной причёской, чтобы не потерять работу.

Ирина, по московской привычке, красилась каждый день. И не считала это чем-то особенным, снова вызывая раздражение у окружающих. Когда Бетти увидела у Ирочки флакон французских духов 'Капарель', то она просто онемела от зависти. В США в магазинах продаётся лишь дешёвая туалетная вода, а дорогие французские духи - лишь в шикарных 'бутиках'...

Ира не смогла ей объяснить, что в стране, где средняя зарплата десять долларов в месяц, почти каждая женщина, тем не менее, имеет флакончик французских духов...

Но чтобы не раздражать хозяев, Ирина подарила Бетти нераспечатанную коробочку духов, которую она привезла с собой. Как выяснилось, здесь она стоила больше ста долларов! Однако, Бетти, сухо поблагодарив, приняла это как должное.

Та же картина была и с мехами. Увидев в чемодане Ирины песцовую шубку, Бетти гордо заявила: "Мы, американки, не носим меха... Мы - за защиту животных!"

На самом же деле, не носили меха только те, кто не мог себе это позволить...

В общем, глядя на Ирину, уже через два дня Бетти не скрывала своего раздражения, высказывая всё мужу тут же вслух, при Ире:

- Пусть она убирается из нашего дома! Мне уже надоело её видеть...

Эрик жалел Иру и понимал, что девушка совсем не богата.

- Дорогая, успокойся! У неё и правда нет денег... В России все так живут: подымают с голода, зато ходят в шубах!

- Что-то ты её слишком защищаешь! - зло подколола супруга Бетти. - Наверно, она надеялась чем-то другим расплатиться... Поэтому и приехала без денег! Русская шлюха...

Эрик отмалчивался, но Бетти не успокаивалась:

- Признайся, почему ты её пригласил?! Что между вами было?

- Послушай, - невозмутимо отвечал Эрик. - Уверяю тебя, что ничего не было! Она хорошая и порядочная девушка, но живет в нищей стране и мечтает посмотреть мир. Мне просто хотелось ей помочь: мне её действительно жалко!

- Добренький ты слишком, а я – нет...

- Уходи!

Последние слова предназначались Ире, которая плакала уже несколько минут.

С трудом подбирая английские слова, она лепетала, что ей некуда пойти, что на гостиницу у неё нет денег. Вся её речь прерывалась всхлипами и рыданиями.

3. Домработница.

Её жалкий и раздавленный вид вызвал чувство удовлетворения у Бетти, и она сменила гнев на милость. Чтобы окончательно унижить Ирину, она милостиво предложила ей быть домработницей.

За это Ире было разрешено жить у них в доме дальше и получать ещё триста долларов в месяц зарплату. О питании она должна была позаботиться сама: для неё и так уже сделали слишком много.

Что ж, Ирина была довольна. Правда, её уже не кормили бананами, не возили по магазинам - показуха закончилась, да и жила она теперь уже в другой комнате - в подвальном помещении. Но там было даже спокойнее.

В Ирины обязанности входило: мыть окна, двери, пол, туалеты, пылесосить ковры, протирать пыль, готовить еду, мыть посуду, стирать белье, поливать газоны перед домом и выгуливать собак.

Этим двум огромным псынам позволялось делать всё: валяться на коврах, грызть мебель. Кормили их специальной пищей, холили и лелеяли. В общем, Ирина искренне завидовала собакам.

Когда в доме бывали гости, Бетти неизменно представляла Иру так:

- Вот тут у нас русская девушка, помогает мне по хозяйству. Мы её пожалели-приютили. Пусть поживёт: им сейчас так плохо в России...

- Какие вы добрые люди! - отвечали по-настоящему изумлённые друзья.

То, что Ира очень плохо говорила по-английски, было для неё большим минусом. Она понимала, что хозяева и гости отпускают грязные шутки в её адрес и смеются, видя, что она не может ничего ответить. Это ужасно расстраивало её, но она терпеливо сносила все оскорбления.

Эрик рассказывал, как много в Москве рассказывал, как много в Москве проституток в гостиницах, барах, ресторанах... где он и познакомился с Ириной. Все гости были уверены, что и Ирина такая же: стоит ей показать доллар - и она согласна на всё. Ира пыталась объяснить, что в ресторане она отмечала день рождения, что она честная и порядочная девушка, но ей не хватало слов.

Плохое знание языка делало девушку ущербной, неполноценной в глазах американцев. Бетти на полном серьёзе показывала Ирине, как пользоваться пылесосом, как выглядит видео-

кассета, будучи твердо уверенной, что Ира таких чудес техники не видела и в руках не держала. Ей категорически запрещалось включать без хозяев телевизор или магнитофон - не дай бог, испортит!

Конечно, такая жизнь очень огорчала Ирину, и каждую ночь она плакала в подушку, перебирая обиды за день и вспоминая родной дом.

- Что они позволяют себе! - возмущалась девушка. - В них нет ничего человеческого... Ладно, вот найду себе жениха, сама буду хозяйкой в таком же доме и здороваться о ними перестану.

Когда совсем нечего было делать, Ира гуляла по городу. Деньги у неё уже появились: получив первую зарплату, она присматривала, чего бы ей такого купить.

Ещё она ходила в кино в надежде познакомиться там с кем-нибудь. По старой московской привычке, где в кинотеатре всегда кто-нибудь подходил познакомиться, видя, что девушка одна!

Кинотеатры располагались среди магазинов, чтобы отупевший от них покупатель заходил посмотреть фильм и перекусить. Здесь тоже были очереди. В кинозале все хрустели попкорном да так громко, что невозможно было разобрать слов. После сеанса в зале оставался настоящий свинарник: пустые банки из-под кока-колы, бумажные пакеты, рассыпанная кукуруза...

Домой Ира возвращалась пешком вдоль дороги, надеясь, что кто-нибудь притормозит, увидев красивую стройную девушку, и предложит подбросить её. Ведь она была действительно

намного привлекательней этих страшных американонок, окружавших её!

Но никто не останавливался, также как и не подходил знакомиться. Как-то вечером, возвращаясь домой, Ира услышала шум затормозившей рядом машины. С трепетом в душе она оглянулась, широко улыбнувшись, но это оказались Эрик с женой, возвращавшиеся из ресторана. Они посадили Иру к себе в машину, при этом Бетти всю дорогу многозначительно молчала, давая понять мужу, какого она мнения об Ирине.

Одиночество сильно угнетало девушку. Ей ужасно хотелось поболтать с подругами, увидеть родителей. Да хоть с соседями поругаться! Здесь же скука занимала всё её времяпровождение: по телевизору смотреть было абсолютно нечего...

Несмотря на то, что каналов здесь было пятьдесят, а не пять, как в Москве, ничего кроме дебильных бейсбольных матчей, глупейшего развлекательного шоу и тягостной рекламы не было.

Ирина мечтала прочитать хоть одну русскую книгу или газету, услышать песню на родном языке, наконец!

Господи, скольких вещей она не замечала и не ценила в Москве! Дозвониться домой было очень сложно, почти невозможно. Оператор телефонной станции и днём, и ночью неизменно отвечал: "Линия занята". Ирина в сотый раз за ночь набирала код - опять занято... Хотелось плакать от обиды.

С женихами Ире, без сомнений, не везло. Друзья Эрика, бывавшие в гостях, воспринимали

её больше, как диковинного зверя, нежели как невесту. К тому же, благодаря рассказам Бетти они видели Ирину в несколько ином качестве... Ущипнуть за попку или зажать где-нибудь в коридоре казалось им естественным, а её недовольство их только смешило.

Но один из гостей перешёл все границы приличия, оказавшись ночью в её постели. Ира проснулась, испуганно осознав, что кто-то лежит вместе с ней. Она пыталась кричать, но хозяйская спальня находилась через этаж, к тому же, горячий мужской рот не дал ей издать ни звука...

Следующие полчаса показались девушке адом. Он щипал и кусал её, больно мям груды. Его грубые ласки не возбуждали, а наоборот, вызывали отвращение.

Ира не пыталась сопротивляться, она бы с ним всё равно не справилась, поэтому лежала, как бревно, ожидая окончания пыток.

Насладившись, наконец, русской экзотикой, неизвестный гость отправился спать, весьма довольный собой.

Ирина пролежала ещё несколько минут, приходя в себя, а потом, плача, отправилась в душ.

Наутро она с ужасом рассматривала себя в зеркало: вся шея и грудь были в синяках.

"Что же будет дальше?!" - с ужасом думала она весь день, ожидал следующей ночи. Но, к счастью, этот наглый друг хозяев уезжал.

Перед отъездом он нашёл Иру на кухне и попытался на прощание залезть к ней под блузку. Однако, в руках у Иры была горячая кастрюля, и она, на этот раз, не растерялась, прижав её к телу

обидчика. Гость взвыл и, залепив Ире хорошую затрещину, покинул дом.

Да, с женихами не везло... К тому же, мужчины, также как и женщины, в Америке показались Ирине малопривлекательными. И где они, те прекрасные молодые люди, высокие, сильные, загорелые, с белоснежной улыбкой? Или красотки из тех же американских фильмов? Таких на улицах не было.

Она, Ирина, была в тысячу раз привлекательней любой обычной американки! У неё не было таких претензий, такого гонора, таких эмансипированных выпадов! Но она здесь никому была не нужна.

Красивая, молодая, честная, хозяйственная, терпеливая - она пришла из другого мира. Она была для них развлечение: с ней можно было пожить или взять в домработницы... Это забавно!

Ирина же хотела серьёзных отношений, хотела замуж... Пусть неза миллионера (она поняла уже, что это несбыточная мечта), пусть за среднего американца. Но желающих не находилось.

Да, к вопросу об этих миллионерах. Ирина была у одного в гостях. Дом Ронни был скромнее, чем дом Эрика, но зато это был его собственный дом. Одет этот старикашка был тоже очень просто, но ездил на последней модели 'Мерседеса'.

Ронни было около шестидесяти лет, а главное: он не был женат! Миллионера обслуживала единственная домработница-китаянка: наверное, такая же экзотика, как и русская домработница.

Забавно, но эта китаянка приветствовала девушку по-русски! Как выяснилось она учила

русский язык в своём коммунистическом детстве, в Китае. Ирина сразу расположилась к этой доброжелательной китайке, но отнюдь не к её боссу.

Ронни недвусмысленно и без всякого стеснения предложил Ирине провести у него ночь. Услышав отказ, он даже не огорчился: девушка просто больше его не интересовала. На этом их знакомство и окончилось.

4. Домой!

"Господи, как противно, - горестно думала Ирина. - Повсюду такая тупость, даже шутки у них пошлые и плоские! Конечно, откуда возьмётся культура, если здесь собрались одни отщепенцы: люди, у которых нет Родины, нет корней... Изгой, отторгнутые родной страной и культурой, съехались сюда со всех концов мира и попытались создать что-то своё 'американское'.

Это своё всё равно тут же развалилось на что-то маленькое мексиканское, итальянское, китайское, русское... и целого, как ни старайся, не слепишь, потому что все народы очень разные!

В Америке ценятся только сила и деньги: здесь находят приют проходимцы и уголовники, наркомафия и мошенники со всего света.

В Нью-Йорке просто противно ходить по улицам: повсюду грязь, бездомные бомжи просят милостыню, наркоманы подходят и чего-то хотят (к счастью, Ирина не понимала чего), какие-то подозрительные типы зазывают подработать своим телом, безработные актёры что-то пытаются изобразить, чтобы заработать на еду, китайцы продают свой товар тут же

на улице... Воздух серый от газа автомашин. Неба совсемне видно - его заслоняют небоскрёбы, которые уже потеряли былой вид и буквально разваливаются прямо на глазах. На узких тротуарах толкаются пешеходы... Ну что здесь может понравиться?!

Долгожданная Пятая авеню тоже не обрадовала Ирину. С утра у неё было плохое настроение - украли кошелёк, тут же на этой проклятой улице. И даже бежать не за кем, все проходят мимо, как ни в чём не бывало!

Ну, стоит она на знаменитой Пятой авеню, ну и что? Ничего интересного! Такая же грязная улица, ничем не выдающаяся. Где же шикарные магазины? Вот они - такие же, как везде... Только цены здесь необыкновенные. Самые простые мужские ботинки - пятьсот долларов! А летний сарафанчик за восемьсот долларов, наверное, можно купить только здесь...

Вспомнив, что ей нужен фен, Ира зашла в ближайший магазин. Продавец-негр болтал по телефону, не обращая никакого внимания на все попытки Ирины привлечь его внимание. Вот ужедесять минут стоит она около прилавка и кричит: "Плиз!". Ноль внимания!

"Прямо, как у нас", - усмехнулась Ирина. Наконец, продавец закончил свой разговор и лениво подошёл к девушке:

- Чем могу помочь? - Мне нужен фен... для волос... японский... - выговорила с трудом Ира, изображая руками фен.

- У нас только китайские. Простите, вы из России?

- Да, а как вы узнали? - изумилась Ирина. - Мадам, все русские, спрашивают японскую технику.

Девушка вышла из магазина с пустыми руками. "Да, мы, русские, любим японскую технику, потому что она качественная. У меня не так много денег, чтобы покупать всякую дрянь..." - возмущалась Ирина вслух уже на улице, и прохожие удивлённо оглядывались на неё.

Но девушке было уже всё равно. Ире хотелось кричать, доказывать кому-то: "Да, мы - русские, такие вот!"

Но доказывать было некому... Совсем одна, ни друзей, ни родных, стояла девушка в центре Нью-Йорка, среди проклятых небоскрёбов, и плакала, как маленькая девочка, потерявшаяся в дремучем лесу.

И никто-никто не подошел к ней и не спросил сочувственно: "Что ты плачешь, милая?"

Нет, её окружали американцы и вместо сочувствия у них был готовый ответ: "Это твои проблемы!"

Ирина не хотела и не могла принять их правила игры. Всё ей казалось шиворот-навыворот: реально жизнь 'вывернутая наизнанку'!

"Да, здесь надо родиться, чтобы понять и принять их психологию, их стиль жизни... - горестно заключила девушка. - Мы не только говорим на разных языках, мы и думаем по-разному. У нас разные понятия о чести, порядочности, дружбе. Их разумный и практичный подход ко всему живому и не живому, возможно, и правильный в чём-то... Но он не приемлем для русского человека!

У нас другие идеалы, иные взаимоотношения, у нас всё другое..."

Ирина успокоилась только вечером, когда приняла твёрдое решение вернуться домой.

На следующий день утром она обратилась в 'Аэрофлот'. Ей повезло:

- Есть один последний билет на сегодня, на Москву, - ответила ей служащая с сильным акцентом, но по-русски.

Ирина бросилась собирать вещи. Это был первый радостный день её пребывания в США. Она попросила Эрика отвезти её в аэропорт. Самолёт уже через два часа!

Но Бетти сообщила ей, что везти её в аэропорт слишком накладно: бензин, дорожные таксы, стоянка и т.д. и вообще, они собирались загорать.

Разговор был окончен, и Ирина с чемоданом и сумкой через плечо отправилась искать остановку автобуса. Она едва успела к концу регистрации.

И лишь войдя в самолет и услышав песню, доносившуюся из динамика, она почувствовала себя дома.

"Господи, я согласна терпеть всё: и очереди в магазинах, и толчею в транспорте, и пьяных на улице, - думала Ирина. - Потому что это мой родной пьяный... Это такие мелочи! Кто бы только знал! Так приятно, что ты можешь прийти и объяснить, что тебе надо, а ещё ты знаешь - тебя поймут и не будут смеяться над тем, что и как ты говоришь!"

Ира оглянулась вокруг: самолёт был забит до отказа, ни одного свободного места.

И вдруг - знакомые лица - Настя и Сергей!
Ирина радостно помахала им рукой и закричала:

- Раньше думала, что самолёты обратно,
в Москву, пустыми летают. Оказывается, наоборот!

- Не ожидали тебя встретить, - отвечала
ей Настя, - думали, что только нам не повезло.
Что только мы не смогли найти с ними общий
язык. Считали, что ты давно уже замужем и живёшь
припеваючи!

- Да что ты, - возмутилась Ирина, - замуж
за американца?! Да ни за что на свете!
А где же Дима, интересно? Или он уже в Москве?

Часть III. Дима.

1. Нью-Йоркская подземка.

Дима вскочил в первый же попавшийся
на глаза автобус с надписью 'Манхэттен'.
Все его знания о Нью-Йорке сводились к тому,
что Манхэттен - это центр города, а ему нужен
Бруклин, а точнее Брайтон-бич.

"Из центра всегда доберусь", - решил он.
Взглянув в окно, юноша увидел здание аэропорта,
куда только что прилетел. Невзрачное, похожее
на гриб-поганку, оно показалось ему не солидным,
несмотря на огромные буквы, украшавшие фасад
здания.

Дима был налегке. Весь его багаж составляла
спортивная сумка. Кроме личных вещей он взял
свою военную форму, оставшуюся после службы
в армии. Всё, от фуражки до шинели, он захватил
с собой. Слышал, что на Западе советская амуниция
стоит бешеных денег.

Автобус особой чистотой не отличался,
и трясло его не меньше московского. Кое-как

добравшись до центра, Дима сразу спустился в подземку.

"Город ещё сто раз увижу, - рассудил он. - Надо сначала устроиться в какой-нибудь совсем дешёвенькой гостинице."

Подземка неприятно поразила, напомнив вокзальный туалет. "Да и тот у нас чище... Московское метро - это действительно музей, царский дворец!" - заключил Дима, вспомнив толпы иностранцев, разгуливающих по московской подземке с открытыми ртами и непрерывно щёлкающими затворами фотоаппаратов.

Кое-как разобравшись в запутанной карте, Дмитрий понял, что мало того, что Бруклин - это край земли, так ещё и Брайтон-бич - самая дальняя, самая последняя улица в этой 'дыре'.

То, что это действительно была 'дыра', юноша не ошибся. Таксисты просто отказывались ехать в тот район. Выручали лишь свои местные 'водилы', отряд которых в скором времени пополнил Дмитрий.

2. Брайтон-бич.

Выйдя на улицу, Дима огляделся. Небольшие, грязные, запущенные здания выглядели уныло и серо.

"Да-а, - молодой человек вспомнил родные 'Текстильщики', - мы оказывается шикарно живём в Москве! Моя панельная семнадцатизэтажка стала бы местным украшением".

Дима направился в первый попавшийся магазин с русской надписью в окне. Его встретил настороженный седеющий армянин средних лет. Тот, не торопясь, выслушал, глядя на юношу исподлобья. Не проявив ни малейшего интереса, он вяло ткнул пальцем на улицу, указывая на старую трёхэтажную халупу напротив.

Это была местная гостиница: без названия и без сервиса... Зато недорого! В общем, то, что нужно было Диме.

Хозяином здесь был маленький шустрый еврейчик Давид о цепкими блестящими глазками. Кроме него в холле никого и не было.

Давид, разбирая почту, поднял глаза:

- Здравствуй, *драгой!* Ты, никак, новенький?

- Да, - отвечал Дима. - Прямо из Москвы!

- Атлично, атлично, - добавил Давид и смерил Диму оценивающим взглядом, прикидывая, сколько здесь можно поиметь: одет парень простенько, карманы от долларов не трещат...

Давид вздохнул.

- Ну, что брат, есть для тебя камнатушка! Впалне пахдающая... Здесь тебе не 'Хилтон', сам панимаешь... Зато к цена - пачти даром - двадцать долларов за ночь.

Дима догадался, что еврейчик явно загнул, но спорить не стал. Может пригодится ещё. Надо как-то друзей заводить.

Так Дмитрий встретил своё первое утро в Америке - в грязной маленькой комнатке с серым пыльным окном и ржавым умывальником.

Это утро, прямо скажем, было унылым и безрадостным. Впервые в жизни Дима подумал, что он не был рад тому, что проснулся. Хотелось вновь закрыть глаза и представить, что это сон.

Никаких радостных чувств по поводу своего прибытия на 'свободную землю' юноша не испытал. Наоборот, с этого утра он почувствовал необъяснимую тяжесть, сдавившую его грудь и больше никогда не отпускавшую.

Перекусив гнусным гостиничным завтраком, Дима отправился искать работу. Он уже обошёл почти всех приятелей Давида: работы не было. Здесь крутились даже калифорнийские ребята в надежде подработать на Брайтоне, поскольку дома совсем туго с работой.

Языковых проблем Дима не испытывал, поскольку говорили все вокруг исключительно по-русски.

Местные жители расспрашивали его о Москве, о ценах, о которых, впрочем, были осведомлены не хуже его, только что оттуда приехавшего.

С тёмной вьющейся певелюрой, Дмитрий выдавал себя за еврея. Но и это мало помогало. У него не было ни рекомендаций, ни друзей, одни имена которых открывали дорогу в эмигрантскую среду.

Дима не находил ни сочувствия, ни жалости, ни понимания с их стороны - только равнодушные.

Вернувшись вечером ни с чем к себе в 'номер', Дима раскупорил бутылку родной 'Столичной' и с жадностью махнул рюмку. Тут же рядом появился Давид.

- Горе заливаешь или за счастье выпиваешь? - спросил он с акцентом, который присутствовал почти у всех местных.

- Какое уж тут счастье... - уныло отозвался юноша.

Не отрываясь от рюмки, он налил Давиду.

- Ты не грусти, парень, - успокоил хозяин, закусывая московскими шпротами. - Привыкнешь! Не ты - первый, не ты - последний...

- Там, в Москве, Америка мне представлялась сказкой. Я мечтал день и ночь, как попаду в Нью-Йорк, начну жить по-настоящему: свой дом, шикарная машина, воскресная прогулка на яхте по Гудзону...

Давид курил, ничего не отвечая. Прошло минут пять, когда он оторвался от собственных мыслей и вспомнил про собеседника.

- Да, парень, я тоже мечтал! Уехал в 70-х... Всё было: трёхкомнатная квартира в Измайлово,

машина 'Жигули', дача совсем рядом с Масквой, в Кратово... Жена - директор универсама - всегда полный холодильник деликатесов. Жили-не тужили, каждый день, как праздник! Эх, что толку вспоминать...

Молча раскупорили они следующую бутылку. Приятное тепло разлилось по телу, и Диме показалось, что, пожалуй, не всё так уж плохо. Вот Давид жалуется на жизнь, а ведь нехило устроился - своя гостиница, пусть плохенькая, но всё же - настоящий капиталист...

"И у меня всё будет о-кей! Не сразу, конечно, не сегодня... Завтра, а оно обязательно наступит, непременно принесёт что-то хорошее. Я уверен!" - подумал Дима, засыпая.

А назавтра всё повторилось сначала: бездарный день и долгий вечер в душной грязной комнатке с родной бутылкой водки и Давидом, который тоже стал уже почти родным.

- Сестра у меня здесь... Дура! - со злостью рассказывал Давид. - Всё письма в Маскву нам писала, как здорово ей здесь... Яркие фотографии, заграничные открытки, по праздникам - всё к себе звала! Вот я и клюнул на приманку... Приехал - понял, что это ей разнообразия захотелось: она тут с тоски загибалась, вот и решила, что с нами веселее станет. А я, как дурачок, паманили - прибежал. Теперь от этого заграничного 'рая' вот лечусь... Нашей радной... Панимаешь? Не выпью рюмку на ночь - не засну, хоть режь меня.

Но Дмитрий Давида не понимал. "Ну чего тебе еще не хватает?", сквозило в его смутном взгляде.

Тогда хозяин гостиницы пояснил:

- Эта внешне вроде всё классно! Ты же видишь: у меня свой бизнес, хорошая машина, у жены - тоже машина, дети в школу ходят американскую... Адеваю их лучше всех и дороже всех, чтоб не чувствовали себя обделёнными. Да, внешне всё о'кей! А что делать было, жить как-то надо, раз приехал. Вот кручусь уже скоро второй десяток здесь без радости и без отдыха. А внутри, понимаешь, пустага... Тухло всё. Ничему не рад, ничего не хачу. Даже жить не хачу, паверишь? Так-то, дарогой мой мальчик...

- А сестра?

- Что сестра... Надело ей памагать, так она и знаться с нами перестала. Не общаемся мы уже четвертый год. Мужу, видите ли, не нравится, что она с нами возится. Он у неё - американец - настоящий, стопроцентный... не то, что мы! Паверишь, он даже не был у нас ни разу. Гордый!

Дима вздохнул и налил по последней. Его запасы спиртного кончились. А долгожданное завтра всё не наступало. Но сдаваться он не собирался. Как говорит Давид: "Раз уж приехал - надо как-то жить. Такая карта выпала и переигрывать уже поздно!" Здесь, конечно, не сахар, но дома - тоже тоска.

Он вспомнил завистливые лица приятелей, узнавших, что он уезжает жить в Штаты, вспомнил Алёну первую любовь. Самая красивая девчонка в классе: огромные голубые глаза, губки розовые бантиком, ямочки на щеках и фигурка - что надо - закачаешься! И вот результат: из армии его не дождалась - выскочила замуж!

Но в 'Шереметьево' проводить его прибежала. Ласково так смотрела и даже немного всплакнула

на прощание. А он, Дима, гордый, кивнул ей, не сомневаясь, что скоро разбогатеет, и Алёна первая примчится к нему, бросив мужа... Нет, обратно пути. нет!

Давид пристроил его 'водилой' к своему приятелю. Чтобы машина не простаивала, Дмитрий занимался извозом, пока Фима отдыхал. Время было не самое ходовое: с двух часов ночи до шести утра. Особо много не заработаешь!

Кроме того, Фима на правах хозяина забирал себе половину выручки. Оставались копейки, точнее центы, но всё лучше, чем ничего.

Работать в тёмном незнакомом городе было совсем непросто. Машина, старая развалюха, нередко глохла в самый неподходящий момент. Да и публика в ночном Бруклине была такая, что спокойно не поездишь. Таких бандитских рож Дима ещё не встречал в своей жизни!

3. Ночной пассажир.

Вот уже третью ночь он на выезде. "Без прав, без документов, не дай бог авария... Что я буду делать?" - со страхом думал Дмитрий. Не верил он Фиме, утверждавшему, что здесь, как в Москве, с полицией договориться можно, за кругленькую сумму, конечно...

Накрапывал мелкий гнусный дождик, настроение было тоскливое. Ладно, хоть клиент нормальный - сидит рядом, молчит, не лезет в душу с разговорами.

Это раздражало Диму больше всего! И так места незнакомые - весь в напряжении, чтобы нужный поворот не пропустить, плюс ещё за дорогой следы, так ещё речь чужая - тут не до разговоров.

Дима притормозил у очередного толла. Вот опять плати! Да, это - не Москва...

Внезапный резкий удар дёрнул машину вперед. В первые секунды Диме показалось, что его голова оторвалась: так сильно хрустнула его шея.

Придя в себя, он взглянул на клиента. Тот сидел неподвижно, припав виском к боковому стеклу.

Оглянувшись назад, Дима увидел старый разбитый пикап и пьяного негра за рулем.

Он был настолько пьян, что просто забыл, что здесь надо было тормозить... и с размаху врезался Димин автомобиль.

Однако, удар протрезвил негра: он тут же дал задний ход и, с визгом развернувшись, исчез в ночи.

Дима опустил голову на руль и просидел так несколько минут, пытаясь прийти в себя. Клиент не шевелился, а дожидаться полиции Диме не хотелось. Пожалуй, за это - не просто высылка из страны, за это - 'светила' тюрьма...

- Точно тюрьма, - подтвердил полусонный Фима, расстроенный больше помятым бампером, чем Димиными проблемами. - Залетел ты, парень! Ох, залетел...

Дмитрия вдруг затрясло, как в лихорадке. Вот не везёт! Надо же было мужику удариться именно виском!

Дима взглянул на клиента. Ничего особенного: среднего роста, обычной внешности. Одет так средненько... В карманах нашлось всего две купюры по двадцать долларов. Что же делать с ним? Или податься в полицию, чтобы совесть не мучила и покончить с этим делом?

- Ты чего, пацан, в своем уме? - Фима разозлился не на шутку.

Он был просто вне себя от гнева:

- Какая полиция?! Ты меня под петлю подвести захотел? Не выйдет, падло! Ты сначала пошустри, должок отработай: тачку раскурочил - раз, труп приволок - два... Усекаешь?

Затем Фима ухватил ворот Диминой рубашки и притянул близко-близко к себе. Их лица почти соприкоснулись. Понизив голос, Фима прошипел:

- А не вернёшь - сожру с потрохами, размажу по стенке, ублюдок. Ты чуешь - о чём речь?

И не дожидаясь ответа, Фима размашисто ударил Диму в скулу.

4. 'Шестёрка'.

Дмитрий весь в ознобе вернулся в гостиницу. Лицо горело, голова ничего не соображала. Он купил у Давида бутылку коньяка и выпил разом. Не помогало! Его по-прежнему трясло, как в лихорадке.

Без сна и покоя прошло два дня. Дима не покидал своей коморки, никто к нему не заходил. Казалось, жизнь вымерла вокруг.

"Больше так не может продолжаться, - решил Дима. - Будь, что будет!"

Бледный, шатающейся походкой он спустился вниз. Давид был занят клиентами, Дима сидел покорно и ждал.

Наконец, тот, проходя мимо, не глядя на Диму, Давид бросил: "Фима тебя ждёт..."

Ефим встретил его ледяным холодом. Машина стояла у входа отремонтированная, про труп Фима не вспоминал. Что он с ним сделал - неизвестно...

- Теперь ты мой раб, моя 'шестёрка'... Будешь делать, что прикажу, усекаешь? А колушнёшься, имей в виду - отправлю вслед за твоим попутчиком.

Фима неприятно усмехнулся.

Дмитрий ничего не соображал, он понял только одно - лучше не перечить. Действительно, виноват

во всём лишь он один. Так что ничего не остаётся, как подчиниться.

Юноша переехал в дом к Фиме и жил теперь в комнате при гараже. Был одновременно слугой в доме и мальчиком на побегушках.

Там же в подвале рядом с гаражом и его комнатухой находилась шикарно оборудованная комната для гостей. Здесь по вечерам собирались друзья Фимы: играли в карты, пили, развлекались.

Здесь крутились какие-то размалёванные девицы, вечно пьяные и полураздетые. Они вешались всем подряд на шею и их лапали все, кому не лень. Тут же в углу на диване они отдавались без особых забот или делали минет прямо под карточным столом.

Когда девушка становилась слишком навязчива или надоедала, её пинком отшвыривали, как котёнка.

Дмитрий старался не обращать внимания. У него была своя работа - он накрывал на стол, убирал грязную посуду, окурки и пепел.

Не желая того, он прислушивался к разговорам. Говорили, в основном, о бизнесе, то в дело прерываясь грязными шутками и анекдотами.

Слушая их, у юноши шёл мороз по коже. К матерно-уголовному жаргону он уже привык, но то, что они обсуждали, как бы между прочим: кого пора 'подсидеть', 'кокнуть', 'пришить' и т.п., приводило Диму в шок. Уж лучше быть глухим... Теперь он знал много, слишком много для того, чтобы надеяться на скорое освобождение.

Собирались, в основном, одни в те же: их было с десяток, не больше. Иногда попойки заканчивались откровенным мордобоем. Тут уж в ход шло всё: пустые бутылки, цепи, железные прутья, оружие.. Друзья безжалостно награждали друг друга такими тумаками и ударами, что дело редко обходилось одними синяками. Поэтому остаток ночи Дима

собирал разбитую посуду и отскребал засохшую на мебели кровь.

Время от времени в компании появлялись новые свежие лица - это были свои, из 'Союза'. Гостей здесь принимали тепло, как родных. Чувствовалось, что связывает их долгая много-летняя дружба. Им полностью доверяли, деньги давали без всяких задержек и сколько нужно.

Как понял Дима, сделки были самые разные: один привозил цветные металлы целыми пароходами, сгружал их на склады и отправлялся по-новой. На этом часть его работы заканчивалась.

Сгрузив металл, здесь же у Фимы он получал свои двадцать пять тысяч долларов наличными и исчезал. Появлялся уже месяца через два с новой партией.

Бывали и случайные гости, такие, как Профессор. Он привозил, в жизни не догадаетесь... каких-то аквариумных рыбок! Мужик с виду очень интеллигентный, тучный, с сединой, в золотых очках, он действительно напоминал профессора. Но его вечно бегающие маслянистые глазки и всегда потные руки оставляли весьма неприятное впечатление. По слухам, он преподавал в МГУ...

Профессор приезжал раз в полгода со своими рыбками, точнее мальками. 'Гунчи', так он их называл, а может, по-другому, неважно. Важно то, что на каждый товар свой покупатель имеется, и он, Профессор, его нашёл. Через Фиму...

Как такие разные люди уживались в одной компании – поразительно! И всё же у них было нечто общее: это бизнес... Деньги, они ведь не просто сближают, они сковывают, вяжут по рукам и ногам.

Тот же Профессор, подобострастно заглядывая Фиме в глаза и при этом сладенько улыбаясь, радостно

рассовывал по карманам заработанные пару тысяч баксов и спрашивал, можно ли ещё разок привести товар.

"Будет нужно – сообщу!" - коротко отвечал Фима, снисходительно хлопая Профессора по плечу.

Рыбок забирал какой-то американец, как Дмитрий понял, для развода на рыбную ферму где-то в Аризоне. Тот, вообще, не разговаривал ни с кем, молча отсчитывал нужную сумму и уезжал. Кому были нужны эти рыбки - оставалось только удивляться.

5. Жизнь продолжается!

Дмитрий надеялся заработать побольше денег, чтобы откупиться от Фимы. Во сколько это обойдётся, он пока и сам не знал. Да и что толку спрашивать, когда предложить пока нечего...

Дима экономил на всём. Питался он: бутылка молока и батон хлеба в день. Иногда перепали остатки с Фиминого стола: всё, что оставалось после вечерней пьянки - колбаса, овощи, холодный плов - было Димино...

Всё заработанное юноша копил, не тратил ни цента. На транспорте ездил всегда 'зайцем', по магазинам ходил лишь поглазеть - никогда ничего не покупал.

Безуспешно пытался он пристроить свою военную амуницию, но никому она задаром была не нужна...

Дима проклял своих московских советчиков - одна шинель заняла у него в сумке кучу места. Кто сказал, что она тут в цене?! Голову тому отвернуть!

Дмитрий обошёл все без исключения военные магазины - никто не заинтересовался. Наконец, один поляк-перекупщик нехотя взял всё разом - шинель, фуражку, китель, значки, кокарды, ремень - за сорок долларов. Дима был несказанно рад!

Шёл шестой месяц его пребывания в Штатах, заканчивалась виза, дальше он оставался на нелегальном положении.

Не раз и не два, а очень часто подмывало Диму уехать домой, сбежать из этого ада. Но его загранпаспорт был у Фимы, а Дмитрий был лишь бесправный и беспрекословный исполнитель Фиминых желаний, одно слово – 'шестёрка'...

Три раза передал юноша письма домой с заезжими москвичами. Неизвестно, дошли ли они, поскольку Дима в ответ не получил пока ни одного.

Письма были оптимистичными, насколько это было возможно в его положении. В одном он передал красивую открытку с видом на Манхэттен для Алёны, где обещал пригласить её в гости на следующий год. Эту открытку Дима украл у уличного продавца.

Да, теперь он не гнушался даже этим! Раньше за ним никогда не наблюдалось таких замашек мелкого воришки, 'шкодника', как сказал бы Фима. Но теперь жизнь заставила юношу завести новые привычки: так он никогда не выходил из супермаркета с пустыми карманами. Дима засовывал туда всё, что могло поместиться: яблоко, йогурт, иногда банку супа или паштета...

Но всё это было не так рискованно, как то, что он проделывал по вечерам, когда у Фимы собирались гости. Бывало, что кто-нибудь из них по рассеянности оставлял бумажник в куртке или плаще в прихожей, что давало юноше прекрасный шанс потрясти растяпу.

Он брал немного, так, чтобы было незаметно: иногда всего пару квотеров, иногда перепадала десяточка долларов - в зависимости от содержимого бумажника.

Дмитрий страшно боялся быть пойманным - Фима бы этого не простил! Так за полгода накопилась довольно изрядная сумма: две тысячи баксов. Конечно, не так уж много, но и не мало!

Деньги Дима хранил в банке. Дома, в своей коморке, оставлять было не безопасно. К тому же, было трудно бороться с желанием их потратить. Как только накапливалась очередная сотня, Дима шёл в банк и клал их на счёт, по которому, к тому же, начислялись проценты, к сожалению, пока совсем мизерные, но всё-таки!

Сколько же он должен Фиме? Всё чаще мучила эта мысль юношу. То, что не тыщу и не две, это было и ослу ясно, но всё же сколько? Пять? Десять?

Дмитрий пытался заговорить с Фимой на эту тему - бесполезно. Тот отшучивался: "Тебе за всю жизнь не заработать!" Да, это мало обнадеживало...

Пришло, наконец, первое письмо из дома. Сердобольная мама радовалась, что её сын в Штатах, потому что дома было "очень плохо, совсем житья не стало. Цены бешеные, зарплаты нищенские, продуктов нет, очереди. На улицах бандитов развелось - середь бела дня стреляют, бомбы взрывают..."

Милая, добрая мамочка! Она думает, что здесь лучше, что сынок её живет в достатке, работает в приличной фирме, ходит по чистеньким улочкам и красивым магазинчикам, а по выходным - в кино или ресторан. Может, даже уже с девушкой какой познакомился американской... Может, уже и жениться собирается, кто знает?

"Да, мама, всё именно так", - писал в ответ Дмитрий, не хотелось ему огорчать близких.

Девушка у него была, не невеста, конечно... Певичка из соседнего ресторана: вульгарная, немного потасканная, старше Дмитрия лет на восемь (потом оказалось, что всего-то на два года)...

Но главное, что она была женщина и ещё что денег не брала!

Приглянулся ей Димочка, и она его вполне устраивала.

Иногда, если вечером было свободное время, он заходил к ней в ресторан, который по московским понятиям едва тянул на второсортное кафе. Пожалуй, назвать его столовой было бы точнее.

Здесь собиралась зажиточная эмигрантская публика, сюда непременно приводили гостей из 'Союза': культурная программа, так сказать.

Песни каждый вечер были одни и те же - русские романсы, пара песен на грузинском и армянском языках, блатные песни и кое-что из современной советской эстрады, что быстро доходило до Брайтона из Москвы.

Эти последние пользовались особым успехом, поскольку были в новинку местной публике. Гости из Союза тоже были приятно удивлены, что создавало всеобщую атмосферу радости и веселья.

Дима сидел за сценой, поджидая Машу. Пела она совсем неплохо. Концертное 'платье' на ней едва сходилось и плотно обтягивало её чуть полноватую фигуру, оголяя при этом всё, что только было можно: спину, плечи, руки...

Спереди вырез был настолько глубок, что казалось, её тяжелые груди, того гляди, выпадут, что, в общем-то, создавало некое приятное ожидание среди мужской половины зала.

Маша забежала за кулисы на несколько минут в перерывах, трепалась с официантами, успевала вышить рюмку-другую и снова убегала.

Вечером, после выступления они отправлялись к ней домой. Певичка снимала небольшую, но уютную квартирку в соседнем с рестораном доме. Там они устраивали небольшое застолье.

НАТАЛИЯ МСТИТЕЛЬНАЯ

Благодаря Машинной ловкости, на столе появлялись рыбка, и икорка, и бутылочка из ресторана... Дима только удивлялся, как ей это удавалось.

Насладившись столом, юноша тут же попадал в горячие Машины объятия и теплую постель. Это, в общем-то, и составляло самые приятные минуты его существования.

Срочно меняю Нью-Йорк на Москву!

6. Друзья.

Пришла зима, противная и слякотная. Шёл восьмой месяц 'новой' жизни. Дмитрий жил по-прежнему у босса Фимы, и на душе у него было ни грустно, ни радостно, а вообще, никак...

Днём юноша всё также ездил по городу, по разным Фиминым поручениям, вечером - обслуживал гостей, а в свободные вечера просто напивался и заваливался спать.

Появились свои друзья. Встретил случайно на улице знакомое лицо. Оказалось, учились вместе в институте, правда на разных курсах. Но всё равно, было чертовски приятно!

Олег окончил 'Плехановский' на год раньше и приехал сюда с женой и маленькой дочкой к родителям. Официально со статусом 'беженца', хотя, какой он беженец... Никто его не притеснял и из Москвы не гнал: сам захотел уехать!

Жили они вшестером - с родителями и дряхлой бабкой - в Нью-Джерси. Старая, сто лет не видавшая ремонта квартира, заплёванный подъезд - вот что представляло их жилище. Зато и снимали они его считай, задаром - всего пятьсот долларов в месяц.

Олег подрабатывал, где придётся. Его диплом института советской торговли здесь явно никого не привлекал. Жена работала экскурсоводом в маленькой туристической фирме. Она прекрасно

знала английский: окончила как-никак 'Мориса Тореза'.

Но этим никого в Штатах не удивишь, поскольку по-английски говорят даже малые дети. Больше ей похвастаться было нечем.

Родители Олега были уже более или менее устроены. Они оба работали в рекламной фирме и получали вполне прилично.

Так и жили вшестером на их зарплату, бабкину пенсию и пособие для беженцев. Выходило вполне прилично, но надо было откладывать на будущее. Всё так зыбко, никто не знает, что будет завтра!

Поэтому и довольствовались они одной квартирой и одной подержанной машиной. Пятилетняя дочка сидела с бабкой дома, хотя парализованная бабка сама требовала ухода и присмотра. Няня - это было уже непозволительной роскошью.

- С работой туго. Очень туго, - жаловался Олег. - Я готов выполнять любую тяжелую и грязную работу. На здоровье вроде не жалуясь. Так и той ведь нет! Эмигрант... Поверишь, улицы подметают американские граждане, где уж там нам. Кризис.

- Ты - счастливчик! - позавидовал Дмитрий сокурснику. - Ты можешь хотя бы работать официально, у тебя есть 'Зелёная карта'. Найдёшь работу когда-нибудь... А я куда не сунусь - везде отказ! Сам понимаешь - на нелегальном положении... Просто не представляю, что мне делать? Ты, случайно, не знаешь никого, кто бы остался, как я?

- Есть тут один из 'невозвращенцев'!... Шестой год уже кантуется: ждёт амнистии. Могу свести, - нехотя отвечал Олег.

На следующий день Дима познакомился с Сашей. Тот - кандидат наук, математик. Приехал в Бостон на международный научный конгресс

и остался: сбежал прямо из отеля накануне вылета. Потом Саша перебрался в Нью-Йорк.

Говорил он почти без акцента:

- Для начала на все командировочные я нанял себе юриста-адвоката и обратился в иммиграционную службу. Хочу, говорю, остаться в Штатах. На Родине зажимают, работать не дают, талант губят... Мои мозги нужны США, я - учёный с мировым именем! И что ты думаешь, мне ответили?

- Неужели отказали? - изумился Дима.

- С треском! Поезжай, говорят, милый, домой, а то мы сами тебя отправим. Домой, сам понимаешь, пути нет. Дома - скандал, позор... Нет, обратно ни за что! Ну, и что делать? Перебрался в Нью-Йорк, здесь народу больше, раствориться легче. Юрист говорит: "Сиди, жди перевыборов президента. Власть сменится - может, амнистию дадут." Вот и жду уже шестой год... И президент сменился, а я всё жду!

- Думаешь, дадут? - с сомнением поинтересовался Дима. - Посмотрим... Если нет, то буду снова адвоката нанимать. Ну и дерут же они, сволочи! Лишь бы 'Вид на жительство' дали, а там, глядишь, и гражданином стану! Тогда, как приличный человек, в Союз приеду... Американский гражданин! На кафедре все от зависти слохнут.

Дима грустно вздохнул.

- А что наука?

- Какая сейчас наука? Лопата да лом - моя наука. Асфальт укладываю по фальшивым документам. У меня ведь ни разрешения на работу, ни страховки - ни фига... Но живу, как видишь! Так что не страдай, Димон! Ещё не вечер... Прорвёмся!

- Прорвёмся, - уныло согласился на прощание Дима.

Больше он никогда не видел Сашу. Интересно, приехал ли он, наконец, в Москву, потрясая

НАТАЛИЯ МСТИТЕЛЬНАЯ

новеньким американским паспортом, или все также асфальт укладывает?

Срочно меняю Нью-Йорк на Москву!

7. Долгожданная свобода.

"Ждать амнистии, ждать амнистии", - тупо повторял Дима, шагая по улицам города. Куда идти - ему было всё равно. Его никто нигде не ждал...

"А когда же я дождусь Фиминой амнистии?" - этот вопрос волновал юношу больше всего. Ему ужасно хотелось скрыться, исчезнуть, забыть Фиму. Сбежать в другой город, в другую страну...

Но бежать было некуда. Здесь хотя бы прикрытие какое-то: крыша над головой, зарплата, плевать, что мизерная. А там что - в неизвестности? Нищета, голод, тюрьма, смерть?

Вернувшись домой, Дима застал своего 'хозяина' с дружкой. Они что-то горячо обсуждали, явно не стеснясь в выражениях. Фима был не в себе ипил больше обычного.

Дмитрий впервые видел своего босса таким подавленным. Фима нервно барабанил пальцами по стакану. Казалось, что он в отчаянии.

- Ну ты же сам помнишь, как мы договаривались? - хрипло спрашивал он у дружка. - Чёрный обещал трёх посыльных, я плачу при получении... Кто же виноват, что этот Рваный так напился, что его на таможне замели? На американской таможне, мать его! Где можно бомбу ядерную провезти

- не заметят. Нет, ну ты представь, прямо у меня на глазах... Я же видел, что в город его не выпустили, шмон устроили... Подзасёкся, собака!

Стакан не выдержал и треснул в мощной Фиминой ладони. Он, не обращая внимания на кровь, выкинул осколки и продолжал:

- А Чёрный трепит, что Рваного замели в баре, в аэропорту уже пусто... За дебош... А посылку ты получил, говорит, не заметьвай... Вот паскуда!

Фима смачно сплюнул.

- Дождись, Рваного когда-нибудь выпустят. Не сегодня, так завтра... За драку долго не продержат.

- Вот и ты туда же! - взбеленился Фима. - Я тебе говорю, замели его на таможне вместе с посылкой, с порошком, понимаешь? Теперь его ближайшие пятнадцать летне выпустят! Да ещё до меня докопаются!

Фима дрожащей рукой нервно налил себе новый стакан. Вид у него был, прямо скажем, неважный. Багровое лицо, потная испарина на лбу. Глаза возбужденно горели, руки чего-то искали.

Дмитрий притаился за дверью и наблюдал за ним. Похоже, дело серьезное.

"Наркотики!" - мелькнула молнией догадка. Дима вспотел. Он ведь сам ездил получать эти посылки! Два раза, в аэропорту... Дима помнил точно!

Тщательно упакованные пакеты, ему и в голову не пришло поинтересоваться, что там. С утра босса не было, значит он сам поехал встречать. Почему сам? Почему не отправил его, как обычно? Может, и правда прикидывается? Товар получил, а платить не хочет... Ну, тогда ведь Рваный заложит, не на вечно же его замели!

Дмитрий видел Рваного только один раз, но отлично запомнил его: худой, длинный, сутулый. И лицо такое же длинное, испитое, мешки под глазами. Из краешка рта через всю щеку к уху

тянулся тонкий белый шрам. Действительно 'Рваный', точнее не назовёшь!

Прошла неделя. Фима как-будто успокоился. По крайней мере, внешне. Снова собрались друзья, пили, гуляли, новые дела крутили.

Поздно ночью Дима, убравшись, пробирался к себе в комнату и споткнулся о пшину в гараже. Сильно ударившись, он присел на корточки, держась за больную ногу, и увидел, что из пшины вывалился паспорт. Обычный заграничный паспорт с родными буквами "СССР".

Дмитрий забрал его с собой посмотреть, в комнате было светлее, а открыв, просто остолбенел. На него смотрела угрюмая физиономия Рваного.

Да, это был он! Ошибиться невозможно! Почему же его паспорт был в Фиминем гараже? И где он сам? Значит, они всё же встретились?!

Тут Диму осенила ужасная догадка: босс просто-напросто убрал Рваного, чтобы не платить. Вот это да! Что же это была за посылка, стоящая дороже человеческой жизни?

Юноша положил страшную находку на место, в надежде, что никто не заметит его открытия. Не его это дело, в конце концов! Пусть сами разбираются...

Однако, разбираться выпало именно Диме. К сожалению, а может, к счастью, это была его последняя разборка.

Как-то вечером у хозяина появился незнакомый гость. Что-то сразу насторожило Дмитрия: человек был слишком мрачный, да и у Фимы он был впервые. К тому же Фима слишком нервничал...

Из разговора Дима понял, что тот от Чёрного. Говорили они очень тихо. К тому же босс выгнал Диму из комнаты: разговор был с глаза на глаз.

Юноша сидел за стеной, в своей коморке, когда услышал голос выходящего Фимы: "Я сказал за две, значит за две. Сейчас принесу..."»

В коридоре зазвонил телефон, и Дмитрий подошёл ответить.

- Тебя, Фима, - он протянул трубку, проходящему мимо боссу.

Тому явно было не до разговоров, но все же он взял трубку.

- Алло, - мрачно проговорил Фима, а затем, прикрыв трубку рукой, сказал: "Поди, отдай это гостю. Скажи, сейчас подойду".

Юноша взял увесистый пакет с деньгами. "На сколько же здесь потянет?" - думал Дима, входя в комнату для гостей. Больше он ничего подумать не успел. Раздался выстрел.

Пуля попала в область сердца. Стреляя профессионал, на поражение. Дмитрий замертво свалился, как подкошенный.

Вокруг быстро образовалась порядочная лужа крови. Вдруг неожиданно появился Фима и выстрелил несколько раз. Одна из пуль попала точно в голову и, раскроив череп, прикончила незваного гостя.

Это было чистом случайностью, босс не отличался меткой стрельбой. Осознав, что угроза миновала, он грузно опустился за стол.

Отбросив пистолет, Фима налил себе полный отакан водки, выпил залпом и огляделся. Комната для гостей представляла собой леденящее душу зрелище: два окровавленных трупа, забрызганные кровью стены, на полу - лужа крови и растёкшиеся мозги.

"Это была моя пуля, мальчик, - подумал Фима, глядя на Дмитрия. - Но бог так рассудил. Чему быть, тому не миновать..."

Ефим спокойно, без всякого сожаления, перешагнул через Диму и вышел из комнаты.

Той же ночью моторная лодка, медленно продвигаясь вверх по заливу, затихла на несколько минут на месте слияния Гудзона и Ист-Ривер у Либерти-айленда.

Стояла глухая ночь. Лишь статуя Свободы гордо светилась манящими огнями, на свет которых слетались бабочки и мелкие мошки. Окаменевшим взглядом смотрела она безразлично вдаль.

Из лодки было выброшено два груза. Явно тяжелых, поскольку оба они моментально исчезли в тёмной воде.

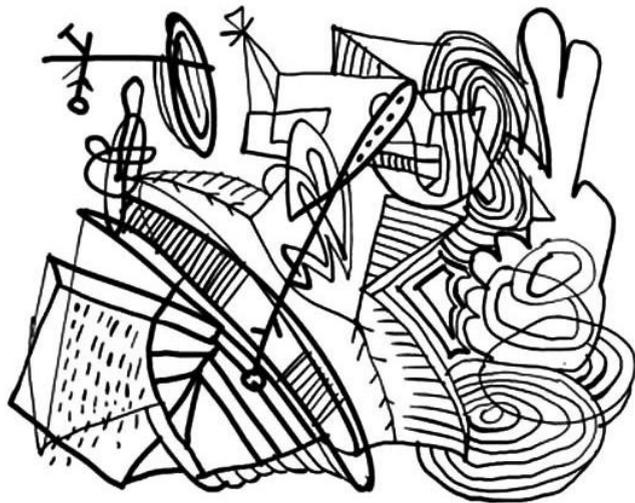
Здесь, у подножия статуи Свободы, Дима обрёл, наконец, долгожданную свободу. О ней ли он мечтал, уезжая из Союза? Наверяд ли... Хотя, кто знает, может это было лучшим выходом?

А в Москве стояла весна: веселые звонкие ручейки затопили улицы, ласковое солнышко пригревало проснувшуюся землю. Даже угрюмые лица москвичей стали светлыми и улыбочивыми от беспричинной радости. В эти весенние деньки пришло Димино письмо, последнее.

"Дорогая мамочка! Как живешь, как здоровье? Часто думаю о тебе. У меня все прекрасно: не болею, живу хорошо, интересная работа... Может, уже скоро приглашу в гости, очень-очень хочу тебя увидеть! Не грусти! Когда-нибудь мы обязательно встретимся..."

Нью-Йорк, 1991г.

НАТАЛИЯ МСТИТЕЛЬНАЯ

Срочно меняю Нью-Йорк на Москву!

Рассказы

ГОСПОДИ, КАК СТЫДНО!

Я тут завела себе привычку обедать в университетской столовой. Публика приличная: профессора, студенты-иностранцы. Да, к тому же, у нас в НИИ в обеденный перерыв в столовой народу - не пробьёшься, а там – свободно! В это время все на занятиях. Кормят неплохо, а главное – цены не высокие. С нашими институтскими окладами как раз по карману в студенческой столовой обедать. В общем, повезло, что Университет оказался рядом.

Вот и сегодня - захожу, как обычно. Со мной уже здороваются: примелькалась! Вещи свои я сложила на стул за одним из столиков, подхватила поднос и вперёд.

Обед – моё самое любимое время! Забываешь на час обо всех служебных делах и тревогах, про ссоры с начальством и склоки коллег... В обед я наслаждаюсь жизнью - я просто обедаю!

Что у нас сегодня вкусенького? Отлично, борщ... Я очень люблю борщ! Так, ещё гуляш с рисом,

который не признают даже китайцы, хотя они его очень любят, такой он рассыпчато – расплывчатый... Есть ещё котлета с холодным картофельным пюре. Нет, котлеты в столовой есть не рекомендуется. Почему? Вы сами знаете почему. Не хочу об этом рассказывать, чтобы не испортить себе аппетит.

Значит, беру гуляш с рисом и синеватый компот, глядя на который, меня осеняет мысль: слово "компот" – это сокращение, которое происходит от: "КОМа ПОТОм". Выпьешь – и в коме...

Так, касса пробивает чек. Я же говорила, что здесь совсем недорого, всего рубль двадцать, не то, что в нашей институтской столовой...

Я составила тарелки на стол. Осталось только отнести поднос, взять вилки-ложки и можно приступать к еде!

Я возвращаюсь, а за столом сидит человек и ест мой борщ! Я чуть не задохнулась от возмущения. Ладно, был бы свой - я бы устроила ему... обед! А тут иностранец, и, к тому же, негр... Неудобно как-то!

Помню ещё в школе собирали мы посылки для несчастных ангольских детей. Да, им тоже несладко... Так что я села так деликатно, т.е. молча, рядом и стала есть гуляш.

Жую мясо, похожее на жвачку с мясным привкусом, и сама за себя гордая: какая у меня выдержка! Какой такт! Вот смотрит он на меня, всё смотрит - а я ему в ответ ни слова! Как будто ничего не произошло! Как будто он и не ест мой борщ. Мой любимый украинский борщ со сметаной!

Иностранец тем временем разделался с первым, и на тебе – за компот принялся! Я еле-еле себя сдерживаю, но молчу, нервно жую гуляш.

"Ладно, - думаю. - Не обеднею, куплю ещё один компот..."

Жую свой гуляш, давлюсь. Нет, наглый же всё-таки этот тип! Ещё и рассматривает меня внимательно своими чёрными, как африканская ночь, глазами. Небось, познакомиться хочет!

Знаю я, любите вы русских девушек! Вот такой же 'друг' подруге моей из планового письма написал, в любви объяснялся. "Я одинокий, - пишет, - как саксаул в Сахаре, как солнце в пустыне..." В общем, прочитаешь – заплачешь... А кончилось тем, что она замуж за него вышла и уехала туда. Не знаю, куда точно, в Заир или Каир... Не важно! Важно, что я без подруги осталась.

Так вот, подумала я о грустном и сижу ещё неприступнее. Не познакомлюсь ни за что, будь ты хоть принц африканский!

Иностранец тоже молчал и пил мой компот. Выпив наполовину, он поставил мой стакан прямо передо мной на стол. Моё терпение лопнуло, и деликатность испарилась:

- Вы, что же, молодой человек, - говорю я, скрепя зубами от злости. - Издеваетесь надо мной? Зачем мне ваш недопитый компот ?!

- Вот вам оставил, - отвечает африканец, широко улыбаясь белозубой улыбкой.

Вы только подумайте, он ещё и улыбается! Думает, сейчас я растаю от его наглой выходки. Какое хамство! А ещё оделся прилично, как порядочный человек, а сам...

- Вы просто нахал! – уже кричу я. - Уберите сейчас же свой компот, он мне не нужен!

- Да, вы не стесняйтесь, девушка! - уговаривает меня негр.

- Уберите сейчас же, или я его вам за шиворот вылью! И костюм французский не пожалео!

- Гордая, - смеётся мне он в ответ. - Ну, не хочешь, как как хочешь.

Негр молча взял стакан и допил компот. Пил и смотрел на меня так странно: то ли с усмешкой, то ли с сожалением. Трудно было разобрать по его тёмному лицу.

Я от возмущения уже не могла глотать еду, мои руки тряслись. Меня переполняли гнев и негодование. Что за выходки! Считают, что им всё позволено! На несколько минут я превратилась в ярого расиста и мысленно уже линчевала своего соседа по столу.

Наконец, он встал и ушёл. Без слов. Я с облегчением вздохнула, пытаясь успокоиться. Постепенно приходила в себя.

"Надо бы сходить за компотом, - подумала я. - Не оставаться же из-за него без компота? Но где же кошелёк? Где моя сумка? Где мои вещи, в конце концов?"

На стуле рядом их не оказалось... Первая мысль была: "Украли! Тот негр, наверно, и украл... Вот поэтому он так смотрел на меня, дурочку наивную! А я-то размечталась – познакомиться хочет... А он, небось, сегодня же вечером мою новую сумочку своей девушке подарит. А аванс мой (только утром получила) в ресторане прогуляет с друзьями...".

Мне было обидно до слёз! "Да лучше у нас в институте отстоять в очереди, поболтать со знакомыми из других отделов, узнать новости, услышать новые сплетни... Так нет, я - самая умная - побежала неизвестно куда, где всё воруют...", - сожалела я.

Но теперь уже было поздно. Что же делать? Я растерянно огляделась вокруг, и вдруг взгляд мой замер, остановившись на соседнем столике.

НАТАЛИЯ МСТИТЕЛЬНАЯ

Меня прошиб холодный пот. Как вы думаете, что я там увидела? Мой остывший обед и мои вещи на стуле рядом...

"Неужели я перепутала столы?! - с ужасом подумала я, краснея. - Господи, как стыдно... Надо же мне было так ошибиться!"

Больше в эту столовую я не хожу – стыдно!

Москва, 1988 год

* * *

Срочно меняю Нью-Йорк на Москву!

РАССКАЖИ ЧТО-НИБУДЬ

Это было осенью. К грязи вокзала прилепывалась жухлая опавшая листва. Она шуршала под ногами и мешала идти. Лавируя между пассажирами и чемоданами, носильщиками и тележками, Света, наконец, нашла свой тринадцатый вагон.

Пахло углём и ещё чем-то дорожным, чем по обыкновению пахнет поезд. Несмотря на свою элитарность (этот вагон единственный в составе поезда имел табличку "Москва - Женева"), он был такой же старый, с влажным бельём и серыми окнами, как и другие вагоны поезда. Фактически он ничем и не отличался от остальных не менее 'унылых' вагонов.

Вот уже проплыли перед глазами кунцевские виды, начиналось Подмосковье. Светка с радостью представляла своих сокурсников по институту, ворошившихся в это время в поле на картошке. Это было забавно!

"Всё-таки лучше провести этот месяц с родителями, чем надрываться в Коломне," - рассуждала девушка.

Ее 'предки' мирно трудились в тихой и благополучной Швейцарии, с честью неся

почётное звание советских дипломатов. Они жили в своё удовольствие, не утруждая себя мыслями о том, что в московской квартире существовала одиноко их восемнадцатилетняя дочь по имени Света.

Хотя 'одинокой' ее жизнь назвать было трудно: ведь были же школьные подруги, институтские друзья... Часто звонили 'поклонники', назначая свидания.

Однако, шумных компаний Светка не любила и дома вечеринок никогда не устраивала. Видимо, этот ее рассудительный нрав и внушал родителям спокойствие, которое переходило, по мнению девушки, в равнодушие к ее персоне.

Внешностью бог Светку не обидел. Стройная длинноногая блондинка с зелёными глазницами, мужчины находили ее привлекательной! Однако, в общении с представителями сильной половины девушка чувствовала неуверенность и даже смущение.

Ох, уж эта ее скромность! В мечтах Светка представляла себя весёлой и раскованной, этакой 'кокеткой', вызывающей восхищение друзей и ревность подруг. Но в жизни всё было, конечно, проще и скучнее.

Да, попутчиком в ее двухместном купе оказался очень привлекательный молодой человек, который, как выяснилось, был на год младше девушки (чего она никогда бы не сказала по его мужественному виду). Это был милый и обаятельный парень, с хорошей фигурой и прекрасными голубыми глазами, обрамлёнными длинными загибающимися ресницами. Он был такой молоденький и хорошенький, такой воспитанный и обходительный, что трудно было не влюбиться!

Также как и Светка, он ехал проведать своих 'стариков', лишь недавно успокоившихся после его благополучного поступления в Университет.

Времени у молодых людей было завалилось – аж двое суток! Они ели холодную и твёрдую ресторанный курицу и запивали шампанским, поскольку вода закончилась уже через час после открытия вагона-ресторана. И им было очень весело вместе! Обнаружились даже общие знакомые: ведь все как-никак варились в одной 'каше'.

Светка старалась не выглядеть скучной собеседницей: на его просьбы рассказать что-нибудь, она мучительно напрягала память, силясь что-нибудь выудить из своих жизненных впечатлений.

Уже темнело. За окнами мелькали деревушки Калужской области. Он сидел совсем рядом, а Светка чувствовала его дыхание и ждала.

Ей очень хотелось, чтобы он взял ее за руку или обнял или притянул к себе... Но он не начинал!

Молодые люди смотрели друг другу в глаза и улыбались. Светка видела, что парень хочет того же, чего и она. И тогда, набравшись смелости (и откуда такая прыть? Наверно, шампанское дало о себе знать!), девушка обняла его и прикоснулась губами к его щеке.

Парнишка повернул голову и поймал ее робкий поцелуй своими губами. Они долго ещё целовались потом, говорили нежные слова, обнимались. Это было так здорово, что просто захватывало дух!

В Светкиной памяти осталось всё так сумбурно и отрывочно. Она запомнила только заметное напряжение у парня под джинсами, как он расстегнул их затем, потом как отбросил куда-то ее трусики...

Светке было очень классно с ним! И ему, судя по всему, тоже было хорошо. Ночью он снова залез в ее постель. На этой узкой вагонной полке было тесно и неудобно: то матрас сползал на пол, то мешал стол, стоявший рядом, но влюбленные этого не замечали. Им так замечательно было вместе!

На протяжении всего следующего дня молодые люди, как безумные, каждые полчаса бросались друг на друга с ласками. Парнишка легко заводился с полуоборота - едва прикоснувшись, он уже хотел Светку.

Они закрылись в купе, на станции не выходили и, вообще, разговаривали с удивлённой проводницей лишь через закрытую дверь.

Маленькое вагонное купе наполнилось доверху волнами нежности и любви... и молодые сладостно купались в них!

Однако, нежности нежностями, но делать им было абсолютно нечего, и он уже в сотый раз спросил рассказать что-нибудь.

Светка уже рассказала, как ей казалось, всё, что могла: о себе, о родителях, об учёбе, о друзьях, о знакомых и о малознакомых, о том, что было хоть сколько-нибудь интересного в ее жизни.

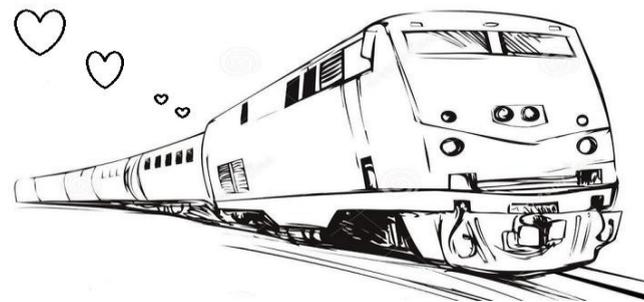
Надо сказать, что девушка была совсем не из категории 'разговорчивых'. Поэтому при всей своей нелюбви к болтовне для нее это была настоящая пытка! Обычно в разговоре с собеседником Светка предпочитала слушать, но раз ее распрекрасный попутчик так хотел, то она, конечно, старалась вспомнить что-нибудь ещё более или менее значительное...

Он тоже рассказывал немного о себе, но после этого неизменно снова просил: "Ну, не молчи! Говори..."

Светка пересказала все фильмы, какие когда-либо видела, и все книги, какие когда-либо читала. В общем, всё, что помнила, но ему было мало...

Парень ласково обнимал ее и шептал: "Говори! Мне так нравится тебя слушать!".

Короче, эти сорок восемь часов превратились, для Светки из счастья в пытку! Она уже давно молчала,

НАТАЛИЯ МСТИТЕЛЬНАЯ

а он каждые пять минут по-прежнему просил ее рассказать что-нибудь.

Светка с радостью выбежала на платформу чистенького женевского вокзала и бросилась в объятия родителей. В руках у нее была бумажка с его номером телефона. Он был, конечно, классный парень, слов нет, но звонить ему почему-то Светке не захотелось.

Москва, 1986 год

* * *

Срочно меняю Нью-Йорк на Москву!

ЗАГРАНИЦА

Вся жизнь Веры Ивановны прошла в этой комнате. Небольшая, светлая и тихая, она единственная в коммуналке выходила во двор, а не на грязную шумную улицу.

Зарабатывала Вера Ивановна немного, но хозяйство вела умело: сынишка всегда был опрятно обут и одет. Алёшка рос добрым и ласковым. Отца он не помнил, да и не мог помнить.

В памяти Веры Ивановны осталось только смутное воспоминание об Алёшкином отце, образ которого посерел, растворился, а затем и вовсе исчез за эти двадцать лет.

"Конечно, не хватало Алёшке мужского воспитания, - часто думала Вера Ивановна. - Что мы с сестрой? Воспитали как могли! Вот уж кавалер теперь: в армию идет..."

После призыва потекли деньки Веры Ивановны ещё медленнее, один на другой похожие. Изредка получала она письма со штемпелем "Полевая почта". С радостью, волнением и беспокойством вскрывала она конверты и рассматривала фотографии. Вот ее Алешенька в учебке, вот с боевыми товарищами. Взрослый, совсем не узнать!

Днём Вера Ивановна работала, вечером после магазинов забегала к больной сестре. Она давно хворала, редко выходила из дома, однако, перед Алешкиной армией, уговорила Веру Ивановну прописать племянника к себе.

"Помру ведь скоро, - выговаривала она сестре, - а тут Алёшка женится, детишки пойдут, вот и будет жить себе в радость. Квартира-то хорошая, двухкомнатная! Правда ремонта требует..."

Говорила сестра, как в воду глядела. Алёшка ещё не отслужил, как она скончалась. Похоронив сестру, Вера Ивановна задумалась, как ей поступить. Дело-то какое свалилось! Целая квартира стоит, да и уход за ней нужен.

"Лёшка придёт, будет сам распоряжаться, а мне много не надо, я ужв комнатке..." - рассуждала она.

Тут подруга звонит и умоляет: "Сдай квартиру! Два мальчика-студента: тихие такие, аккуратные... Они и ремонт сделают в квартире, да и деньги тебе не мешают! Лёшка придёт - всё новое покупай, всё модное... А сейчас одни штаны, вон двести рублей стоят... Парень-то он видный, так и одеть его надо, как полагается!"

Призадумалась Вера Ивановна: "А что ведь верно говорит! Лёшка придёт: пока со мной проживёт, денег накопим к свадьбе, а про ремонт и думать страшно... Самим ведь во век не сделать!"

Вечером познакомились: оказались два арабских студента. С виду ребята неплохие, деньги обещали хорошие да ещё за два года вперёд.

- Но ведь иностранцы!

- Что ты боишься, - успокоила подруга. - Иностранцы - они все порядочнее наших...

- А как же аренду на них оформить?

- Да, ты не оформляй! Тут все свои. Вот деньги твои, получи!

Прошло полтора месяца. На квартиру Вера Ивановна решилась взглянуть лишь раз. Запла застенчиво, боясь помешать. Ребята действительно сделали отличный ремонт: потолки и в комнатах, и в коридоре, и на кухне белоснежно сияли, обои новые, импортные (наверно, свои привезли), паркет блестел... Да и сантехнику не узнать! Что это, откуда?

Ходила Вера Ивановна, как зачарованная... Да что ни возьми: вон дверь - и то обитая, замки - новые. Не узнать прямо!

В комнате и коридоре стояло много каких-то коробок и ящиков с иностранными надписями. Рядом с их вещами мебель сестры как-то вся съёжилась, постарела лет на тридцать. Вон у них и телевизор какой, и магнитофон, да ещё чего-то - не поймёшь. Вина стоят в серванте все иностранные. Заграница!

Особенно приглянулись Вере Ивановне занавески. Зелёные, роскошные, а по ним рисунок золотистый, сеточкой... Аж, дух захватывает!

Всё бы шло не плохо, да вот соседка часто жаловалась:

- Шумные у тебя жильцы. Что ни день - гости! Веселятся допоздна, музыка кричит, бутылки гремят, девчонки визжат... Да ещё личности какие-то тёмные ходят, ящики то привезут, то увезут...

- Заграница, - вздыхала Вера Ивановна.

Прошло совсем немного времени, как шлёт Алёшка телеграмму. Мол, возвращаюсь, встречай, приеду с невестой! Вера Ивановна и не знала что делать: то ли радоваться, то ли горевать. Хоть и взрослый стал, да жениться так сразу...

"Значит девушка хорошая, значит понравилась ему", - успокаивала себя Вера Ивановна.

Да и расстраиваться было некогда. Все три дня бегала по магазинам: где курицу достала, где колбаску... Даже в винный очередь отстояла. Думала со стыда умрёт – а нет! Вон сколько женщин в очереди, и одеты все хорошо...

Алёпкина невеста Вере Ивановне не понравилась, но виду она не показала. То ли волосы были сильно выкрашены, то ли глаза она так ярко подвела, да и помада у неё какая броская. Одетая так себе... Одно слово, вертихвостка!

Думала Вера Ивановна отговорить сына. Да уже было поздно: невестка ждала ребёнка. Погоревала Вера Ивановна и смирилась, ничего не поделаешь... Сам выбрал!

Жить стало тесновато. Соседи по коммуналке ходили недовольные, мол, и так муравейник! Пошла Вера Ивановна к ребятам с повинной, извините, сын из армии пришёл - жить негде. Вот деньги ваши возьмите... Простите, если что не так!

А те и понимать не хотят.

"Ты что, бабка, - говорят, - спятила? Мы ремонт отгрохали, вещи перевезли. Так что ничего не знаем!"

Сын ничего вечером не сказал. А на другой день пошёл с невесткой в милицию и пожаловался: вот, мол, живут в нашей квартире, уходить не хотят!

В тот же день стали иностранцы съезжать. Дали им неделю на выезд, чтобы вещи свои упаковали и перевезли. Ох, и злые же они были! О чём-то говорили всё между собой на своём языке - не поймёшь. Но ругали видно крепко. Ещё бы! Сколько денег выложили, сколько сил потратили, и двух месяцев не прожили - выезжай!

Нет, так просто не отделаются! И засели ребята за телефон. Сначала позвонили домой. Хоть и трудно заказать международную, но ничего - дали. Поболтали со всеми родственниками и знакомыми, узнали последние новости.

НАТАЛИЯ МСТИТЕЛЬНАЯ

Потом пришли друзья и подруги. "Звоните, - говорят ребята, - кому душе угодно - всё бесплатно!" И полетели звонки во все страны мира, на все континенты.

К концу недели звонить больше было некому. Всех обзвонили: и родных, и друзей, и соседей, и знакомых, и знакомых знакомых... С тем и уехали.

Первый телефонный счёт пришёл на две тысячи рублей. Вера Ивановна схватила за голову. Сын побежал в Университет, где учились студенты. С трудом через деканат отыскал их, но они его не признали.

"Не снимали, не знаем... - говорят, - и его первый раз в жизни видим..."

Эх, заграница!

Москва, 1989 год

* * *

Срочно меняю Нью-Йорк на Москву!

ОБ АВТОРЕ

Если читатель думает, что профессор математики не смог бы никогда написать увлекательную книгу, кроме как по теории вероятности, то он ошибается!

Если читатель представляет себе доктора наук седовласым мужчиной, то он снова ошибается. Потому что автор этой книги – женщина!

Дедуктивная теория и изучение взаимосвязей стали не только профессией, но и сюжетами иронических детективов Наталии. Близкое знакомство с традициями разных стран и особенности человеческой натуры помогли автору виртуозно выразить свои умозаключения на бумаге, причём в юмористической форме, что придаёт её книгам не только детальность сюжета, но и лёгкую форму их прочтения.

Читайте другие книги Наталии Мстительной: встреча в другое время и в другой стране, но с уже полюбившимся читателям автором!

<https://www.facebook.com/n.mstitelnaya>

<http://vk.com/n.mstitelnaya>

НАТАЛИЯ МСТИТЕЛЬНАЯ

Литературно-художественное издание
Наталья Мстительная
Срочно меняю Нью-Йорк на Москву!

Роман

Издано в авторской редакции
Оформление художника Люка Перрана

Подписано в печать с готовых диапозитивов 17.08.2016
Формат 5' x 8' . Печать офсетная. Усл.печ. л.27.0.

УДК код = 82-31 "Романы, повести"

Тираж 100 000 экз. Заказ № 1602.

Издательство NT- Пресс 2016.- 120 с.

Copyright © 2016 Natalia Mstitelnaya
Detective series "Ill-fated adventures"

Proof

Printed By Createspace

Digital Proofer